
Светлана Георгиевна
КИРДИНА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ:
ТЕОРИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Москва
Институт экономики
2008

ISBN 978-5-9940-0092-2

Кирдина С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование (научный доклад). — М.: Институт экономики РАН, 2008. — 72 с.

В докладе исследуется гипотеза об институциональных механизмах самоорганизации экономики. Экономика рассматривается как динамическая бинарно-сопряженная структура, в которой постоянно взаимодействуют альтернативные институциональные комплексы: редистрибутивный (X-экономики) и рыночный (Y-экономики). Доминирование того или иного комплекса исторически устойчиво и определяется характеристиками коммунальности/некоммунальности материально-технологической среды и спецификой преобладающих отраслей — с возрастающей или убывающей отдачей. Пропорции X- и Y-институтов непостоянны, их эффективное соотношение является одной из целей социально-экономической политики государств. Гипотеза используется для анализа экономики России и нового феномена государственных корпораций.

Работа выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований, грант № 06-06-80031.

Kirdina S. Institutional self-organization of economy: methodology and modeling (preprint)

This paper analyses the hypothesis of institutional mechanisms in economy. Economy is singled out as a dynamic binary- conjugate structure of two interacting alternative institutional complexes — redistributive (X-economy model) and market (Y-economy model) ones. Domination of one of the complexes is constant in the course of history. It depends on material and technological environment — communal or non-communal. Which economy branches prevail — with increasing or diminishing returns — is crucial as well. The proportions between X- and Y-institutions can change. Their effective proportion is one of important goals for social and economic policy. This hypothesis is used for the analysis of Russian economy and new phenomenon of state corporations.

This research is granted by Russian Foundation for Basic Research (project № 06-06-80031).

©
Кирдина С.Г.,
2008

©
Институт экономики РАН,
2008

Оглавление

Введение: как можно размышлять об экономике и зачем	4
Глава I. Насколько адекватна неоклассическая (и неинституциональная) модель экономики российским условиям?	9
Глава II. Институциональная самоорганизация экономики: теоретическая модель	21
Глава III. Верификация теоретической модели	38
Заключение: к дискуссии о смешанной экономике	54
Литература	56
Сноски	64
Приложение	68

Введение: как можно размышлять об экономике и зачем

Построение теорий, помимо склонности некоторой части человечества к созданию такого рода конструкций, провоцируется также невозможностью решения проблем практическим путем. Или метод «проб и ошибок» становится слишком затратным — по времени или иным ресурсам. Построение новых теорий обуславливается также неудовлетворенностью имеющимися схемами.

Именно такая провоцирующая ситуация складывается, на наш взгляд, в современной России в сфере экономического теоретизирования. С одной стороны, реформы и их результаты сильно отличаются от ожидавшихся на старте перестройки в середине 1990-х годов. С другой стороны, превращение части исследователей в «экспортеров концепций, взрощенных для иной исторической и национальной обстановки» (Худокормов, 2008, 10), хотя и содействовало интеграции отечественных ученых в мировое научное сообщество, порой мало помогало пониманию происходящих у нас экономических процессов. Известно, что приложение большинства известных теорий, включая мейнстрим, неортодоксальную экономику и социальные науки об экономике (классификация представлена в докладе А.М. Либмана, см. [Либман, 2007]), к анализу России позволяет определить не столько механизмы и перспективы, сколько проблемы развития. Российская экономика маркируется в них, как правило, *апофатически* (от греч. *Aporafazis* — отрицательный) как экономика с «не-эффективными институтами», «не-рациональным поведением индивидов», «не-нормальной банковской системой», «не-достаточ-

ной рыночной дисциплиной» и т.п. Рассуждения с использованием такого рода констатаций небесполезны. Но они мало дают для понимания способов развития и экономического роста страны, вызывая одновременно национальный «комплекс неполноценности» на разных уровнях общественного сознания — от научного до массового.

Но почему российская экономика все-таки развивается, почему преодолеваются институциональные ловушки, модернизируется конфигурация собственности, создаются основы необходимой инвестиционной системы и т. д.? Какие механизмы, несмотря ни на что, вновь и вновь запускают траектории роста? Попытка ответить на этот теоретический вызов содержится в настоящем докладе.

Посмотрим, какие основные способы теоретизирования используют современные экономисты и насколько помогают они понять экономику России. Экономика, в соответствии с известными определениями, представляет собой сферу, в которой общество принимает и реализует решения об использовании ограниченных, дефицитных ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей (Фишер и др., 1997, 1). Экономика, таким образом, представляет собой разновидность социальной системы, то есть системы с участием людей. Соответственно уровень ее сложности превышает уровень сложности составного элемента этой системы — человека. А, как известно, рациональное понимание системой низшего порядка законов системы высшего порядка невозможно. Поэтому познание законов экономики как социальной системы идет следующими путями.

Во-первых, описание системы более высокого порядка строится по аналогии с системами низшего порядка. Так, экономика уподобляется физической системе, в которой потоки необходимого вещества взаимодействуют на основе определенных законов. Первые экономические таблицы и базирующаяся на них классическая политэкономия XVIII-XIX вв. отражают этот подход. Не случайно основатель школы физиократов Франсуа Кенэ (1694-1774) создавал свои таблицы в тот же исторический период, когда Исаак Ньютон (1643-1727) уже заложил основы классической физики. Но к концу XIX и в течение всего XX в. идеи классической экономики развивались не так активно¹. В СССР идеи классической политэкономии получили свое развитие в теории социалистического воспроизводства, но в современной России достигнутые в тот период результаты оказываются пока слабо востре-

бованными. Наиболее перспективным, на наш взгляд, направлением исследований в рамках данного подхода, важным для понимания законов функционирования экономики, в том числе и российской, является анализ самовоспроизводства основного капитала, предпринятый в новейших работах В.И. Маевского (Маевский, 2008). Исправляя дефекты теории воспроизводства и теории трудовой стоимости К. Маркса, он определяет сущность и количественные законы физического воспроизводства основного капитала, обеспечивающие рост экономики. Как замечает В. И. Маевский, «действия экономических агентов способны лишь усилить данное основание (их действия равноценны мутациям), но они не могут обойтись без него» (Маевский, 2008, 55).

Во-вторых, исследователь может использовать схему рассуждений, при которой на объект исследования — экономическую систему — проецируются свойства и правила поведения самого исследователя. То есть ученый-экономист рассматривает экономику как совокупность взаимодействующих индивидов, законы поведения которых все более известны в связи с развивающейся саморефлексией думающих субъектов. Именно поэтому экономическую теорию часто называют наукой об экономическом поведении. Используемая в исследованиях данного направления образцовая модель опирается на несколько исходных постулатов, постоянно модифицируемых и уточняемых, но, тем не менее, сохраняющих свой внутренний смысл. К ним относятся, во-первых, наличие независимых (относительно независимых) основных участников обменных отношений — продавцов и покупателей; во-вторых, признание свободной (условно свободной, ограниченной) конкуренции как основы ведения хозяйственной деятельности; в-третьих, принципы экономической (ограниченной) рациональности и «методологического индивидуализма»; в-четвертых, маржиналистская оценка результатов хозяйственной деятельности, что находит свое отражение в принципе предельной полезности благ; наконец, обеспечение равновесия (полного, неполного, ограниченного) спроса и предложения благ. К этому направлению относится большой класс теорий — от так называемой *economícs* до современного неoinституционализма. На наш взгляд, возможности такого подхода для понимания сути российской экономики являются ограниченными. Почему? Аргументы в пользу этого утверждения будут представлены в докладе.

В-третьих, экономика может рассматриваться как система, в отношении которой справедливы общие принципы действия любых сложных систем (от химических до биологических и космических), известные современной науке. В этом случае рассуждения экономиста «оплодотворяются» новейшими общенаучными методами, вплоть до современной кибернетики и синергетики. Как писал Мишель Фуко, каждой исторической эпохе свойственна своя «эпистема», под которой понимается общая, характерная для конкретного исторического периода система мышления, научного теоретизирования (Фуко, 2002). Ряд зарубежных и российских исследователей полагают, что современному мировоззрению все более соответствует признание сложности и неравновесности мира, понимание несводимости микро- и макроуровней, нелинейности протекающих процессов, что вызывает появление принципиально новых теорий «пятого» поколения. Эти социальные и экономические теории, как отмечает методолог науки С.А. Кравченко, «декларируют и изучают нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение порядка из хаоса» (Кравченко, 2007, 5). Кроме того, в России обращение к идеям самоорганизации при анализе экономических и социальных систем — не только следование складывающейся *эпистеме эпохи*. Актуальность синергетического подхода спровоцирована также процессами трансформации российского общества, где ученые непосредственно наблюдают возникновение нового «порядка из хаоса».

Однако использование идей и терминов из естественных наук в науках социальных и экономических порой приводит к тривиальным результатам, когда известные вещи лишь «переназываются» на иной лад. Тогда имеет место «умножение сущностей», о нецелесообразности которого в науке (вслед за Аристотелем) говорил английский монах Оккам еще в начале XIV в.

На наш взгляд, применение естественно-научных идей в экономической теории плодотворно, если в результате достигаются следующие цели. Во-первых, уточняется язык понятий, и на этой основе описание экономической реальности становится более глубоким и адекватным. Во-вторых, используемые идеи позволяют предположить или определить механизмы развития (эволюции, изменения) объекта исследования, дополнить или построить логиче-

скую модель его внутренних взаимосвязей. В-третьих, обращение к естественно-научным подходам, как правило, сопровождается использованием математического инструментария для проверки гипотез, заложенных (верифицируемых) в экономической теории. Последний момент представляется нам особенно важным, поскольку теории, в том числе и вновь появляющиеся, оперирующие поначалу лишь со смыслами, не могут в XXI веке претендовать на звание таковых, если они не являются формализованными². Всем трем отмеченным требованиям мы стараемся следовать, представляя в докладе модель институциональной самоорганизации экономики.

Структура доклада соответствует стандартной логике представления новых научных теорий. В главе 1 рассматривается проблемная ситуация, то есть обосновывается недостаточность имеющихся теорий для объяснения законов функционирования российской экономики. Выдвигается тезис, что концепции *economics*, как неоклассика, так и неoinституционализм, базируются на методологических предпосылках, не адекватных российским условиям.

В главе 2, самой значительной по объему, содержится изложение авторской концепции. Экономика рассматривается как динамическая бинарно-сопряженная структура, в которой постоянно взаимодействуют качественно различные комплементарные институциональные комплексы: редиистрибутивный (X-экономики) и рыночный (Y-экономики).

В главе 3 представлены дополнительные аргументы в пользу новой теории. Во-первых, излагаются предварительные результаты математического моделирования самоорганизации экономики. Показано, что самоорганизация экономики отраслей с возрастающей отдачей происходит путем формирования комплекса редиистрибутивных институтов X-экономики. В то же время самоорганизация экономики отраслей с убывающей отдачей (что хорошо известно из ортодоксальной экономической теории) осуществляется на основе комплекса рыночных институтов Y-экономики. Во-вторых, эвристичность теории проверяется ее использованием для объяснения природы и перспектив новой институциональной формы — госкорпораций.

В заключении основные выводы встраиваются в контекст дискуссии по смешанной экономике.

НАСКОЛЬКО АДЕКВАТНА НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ (И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ) МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИМ УСЛОВИЯМ

Если мы предлагаем строить теоретическую модель экономики, полезную для России, на иных принципах, чем известные неоклассические и неoinституциональные модели, то полезно объяснить, почему. В первой главе доклада представим соответствующие аргументы.

Анализ неоклассической модели

Большинству экономистов известно, что еще в 1776 г. был сформулирован тезис, определивший основное направление развития экономической теории до настоящего времени. Экономический агент «имеет в виду лишь свой собственный интерес... преследует собственную выгоду, причем ... невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения ... Преследуя свой собственный интерес, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится к этому» (Смит, 1962, 332). Именно это имеют в виду и современные экономисты, говоря, что «экономическая теория по сути своей индивидуалистична» (Бьюкенен, 1997).

Данные положения, трансформировавшиеся спустя столетия в принципы «методологического индивидуализма», конкурен-

ции и стремления к полезности, составили и составляют основания классической, неоклассической, а ныне и неоинституциональной экономической теории.

Как справедливо подытожил В. Н. Богачев, многолетние исследования в развитие тезисов Адама Смита привели к безупречным с логической и математической точки зрения результатам. К ним он относит классическую теорему А. Вальраса, построения А. Маршалла, тщательно и в деталях эксплицировавшие условия моделирования рынка, теорию игр и линейного программирования, современными методами подтвердившие ранее достигнутые результаты (Богачев, 1993б, с. 67). В данном случае речь идет о развитии так называемого маржиналистского направления в экономической теории, или англо-американской экономической школе, получившей преобладающее влияние и в других странах.

С развитием рыночных реформ в России интерес к достижениям зарубежных экономических теорий данного направления закономерно возрос. Полученные в них результаты стали использоваться как для анализа, так и для прогнозирования экономических преобразований. Но насколько адекватны исходные предпосылки англо-американской школы условиям российской экономики? Попробуем разобраться.

Для этого обратимся к двум классическим графикам реализации продукции при разных типах предельных издержек. Как отмечается в маржиналистской теории, предельные издержки, характеризующие динамику дополнительных затрат в связи с ростом дополнительного выпуска продукции, могут быть двух типов. В одном случае, при возрастающих предельных издержках (или *убывающей отдаче*), их динамика характеризуется возрастающей функцией. Возникающие в данном случае хозяйственные эффекты схематично представлены на рисунке 1. В другом случае издержки могут быть понижающимися (отрасли с *возрастающей отдачей*), и этот случай изображен на рисунке 2³.

Сначала рассмотрим известные хозяйственные эффекты, возникающие в случае отраслей с убывающей отдачей (рис. 1).

Насколько адекватна неоклассическая модель экономики российским условиям?

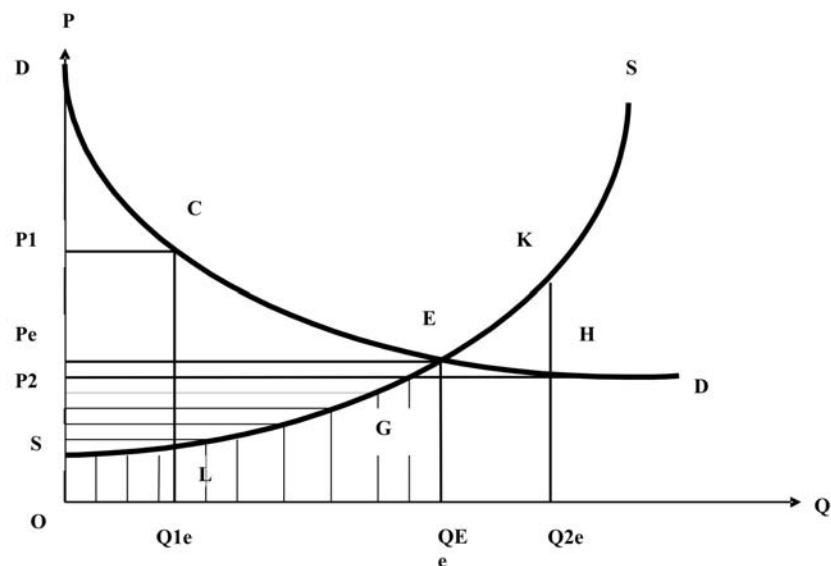

Рис. 1. Компоненты хозяйственных эффектов, возникающих при реализации продукции отраслей с убывающей отдачей.

График показывает, что реализация продукции с максимальной для производителя прибылью — в точке E , когда спрос (D) и предложение (S)⁴ балансируют друг друга, означает одновременно максимально выгодное использование ресурсов для экономической системы в целом. Другими словами, объем выпуска продукции при данных издержках максимален, что соответствует максимально возможному суммарному эффекту производителя и потребителя. Из чего складывается этот суммарный эффект?

С одной стороны, величина излишка производителя, или прибыль, в случае равновесия составляет величину, равную площади фигуры $PeES$. С другой стороны, излишек потребителя составляет величину, равную площади фигуры $PeED$. Излишек потребителя означает возможность покупать необходимый товар по стандартным ценам, независимо от того, какую выгоду он приносит каждому из покупателей. Иначе говоря, это потенциальная величина средств, сэкономленная по сравнению с ситуацией, если бы потребителям пришлось покупать продукцию малыми порциями на аукционах в предположении, что разовая продажа исчерпывает возможный объем⁵. В точке равновесия общий суммарный эффект соответствует по

площади фигуре SDE, то есть сумме излишка производителя и излишка потребителя. Отклонение объема реализации и цен от точки равновесия в ту или другую сторону приводит к уменьшению суммарного эффекта.

Итак, если в экономике преобладают отрасли с *убывающей отдачей*, то, действительно, ориентированный на прибыль производитель, «преследуя свой собственный интерес», часто «действенным образом служит интересам общества», как и предполагал Адам Смит.

Из истории известно, что большинство отраслей производства в европейских странах, где и зародилась экономическая наука, характеризовалось именно убывающей отдачей. Это относилось как к сельскому хозяйству с его «законом убывающей доходности», так и к первым промышленным производствам, начиная с мануфактур. Поэтому постулаты «методологического индивидуализма» и связанного с ним стремления к прибыли (максимизации полезности) являются адекватными для анализа экономической практики европейских стран и (как потом выяснилось) США. Более того, они позволяют выстроить теорию экономического поведения, объясняющую большинство реальных хозяйственных процессов на территориях этих государств и во взаимодействиях между ними.

Именно это, на наш взгляд, объясняет устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по Лавоие (Lavoie, 1992), неоклассической (и неинституциональной) экономической теории. Действительно, экономические учебники свидетельствуют о том, что неоклассическая экономическая теория имеет дело преимущественно со случаем повышения предельных издержек. Например, в одном из популярных учебников С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи, «содержащем полный свод знаний по современной рыночной экономике» и принятом во многих российских вузах, отмечается: «Тенденция предельного продукта труда или любого другого вида затрат к снижению [убывающая отдача. — С.К.], если он имеется в достаточном количестве, является столь общей, что на нее часто ссылаются как на закон» (Фишер и др., 1997, 140). Именно поэтому *экономикс* имеет дело главным образом с кривыми, характеризующими условия формирования издержек для фирм и отраслей с *понижающейся доходностью* (там же, 169).

А теперь рассмотрим хозяйственные эффекты, возникающие в случае отраслей с понижающимися предельными издержками (рис. 2). В таких отраслях «каждая дополнительная единица полезного эффекта... оказывается дешевле средней стоимости единицы этого эффекта из объема, к которому калькулируются дополнительные затраты» (Богачев, 1993а, 47). В этом случае кривая спроса D сохраняет свой наклон, в то время как кривая предложения S , отражающая эффект уменьшения издержек при увеличении объема выпуска, имеет наклон вниз. При этом если в предыдущем случае точка равновесия E отражала равнодействующую противоположных интересов производителя (производство прибыли) и потребителя (возможность в достатке пользоваться недорогой продукцией), то в данном случае ситуация становится асимметричной.

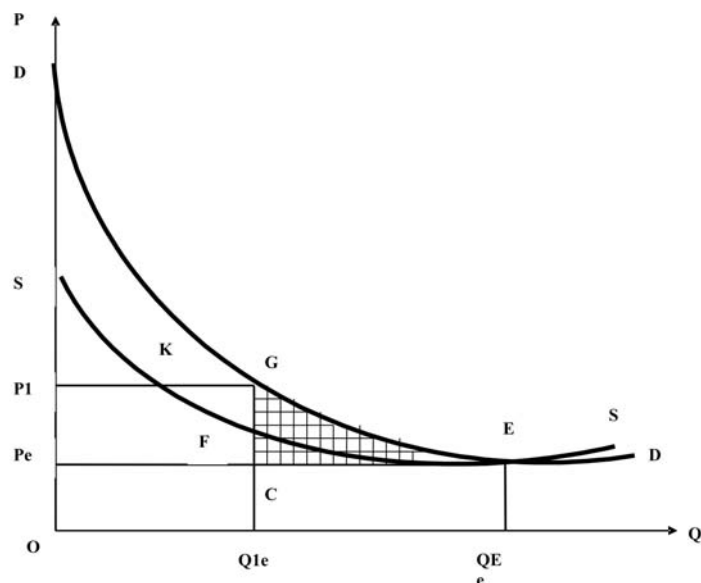

Рис. 2. Компоненты хозяйственных эффектов, возникающих при реализации продукции отраслей с возрастающей отдачей.

Действительно, график наглядно показывает, что в состоянии равновесия объемов произведенной и потребленной продукции прибыль производителя отрицательна (площадь фигуры $SPeE$)⁶, а потребительский излишек составляет величину, соответствующую

площади фигуры $PeDE$. Поскольку часть его нейтрализует указанные убытки производителя, то чистый общественный эффект составляет величину, равную площади фигуры SDE .

А если производитель решит, с целью движения к росту собственной прибыли, увеличить цену (тариф), например, до уровня $P1$? Тогда убытки производителя снизятся до уровня $P1SK$ и появится прибыль KGF , которая может даже полностью их компенсировать. Потребительский излишек уменьшится до величины $P1DG$. В этом случае общий баланс прибылей-убытков и потребительского излишка представлен площадью фигуры $PeDGC$, где проигрыши одного участника стали выигрышами другого. Это почти не затрагивает общего результата, за исключением лишь того, что величина потребительского излишка CGE исчезла, не трансформировавшись ни в прибыль производителя, ни в уменьшение его убытков. Другими словами, *общественный эффект безвозвратно уменьшился* именно на эту величину. Потери в общем суммарном результате, возникающие вследствие «естественного стремления» производителя к прибыли, обозначены на графике заштрихованным участком. Как пишет по этому поводу В.Н. Богачев, стремление отдельных отраслей стать прибыльными «ввергает партнеров в гораздо большие расходы, так что все вместе больше теряют, чем выигрывают» (Богачев, 1993а, 45).

Наличие отраслей и производств с возрастающей отдачей — известный эмпирический факт. В цитированных экономических учебниках выделяются, например, следующие причины, обуславливающие возрастающую отдачу, то есть падение долгосрочных средних издержек по мере увеличения выпуска. Во-первых, это неделимость производства, которая в *economics* «относится главным образом к мелким фирмам» (Фишер и др., 150). Второй причиной служит специализация производства, как об этом писал еще А. Смит в своем классическом примере роста производства булавок при укрупнении фирмы и сосредоточении работников на отдельных простейших специализированных функциях. Третьей причиной называется возможность получения технической экономии, когда «большой масштаб необходим для использования преимуществ более крупного физического капитала» (Фишер и др., 150). Но неоклассическая теория предполагает, что отмеченные ситуации имеют

локальный эффект. Поэтому она имеет дело главным образом с кривыми долгосрочных издержек, характеризующих ситуацию убывающей отдачи (Фишер и др., 152).

Для поддержания функционирования отраслей с иными кривыми издержек теория, следуя практике, обосновала необходимость установления государственных налогов для отраслей с убывающей отдачей и выделения из них правительственных субсидий отраслям с возрастающей отдачей (Marshall; Пигу, с.298). С количественной точки зрения можно сказать, что в рыночных экономиках объем дохода, полученного в доминирующем секторе отраслей с убывающей отдачей, является достаточным для компенсации издержек воспроизводства в меньшем по объему секторе отраслей с возрастающей отдачей (иначе откуда возьмутся необходимые средства для дотирования?). Наиболее развитые страны, например, США, опираясь на потенциал не только собственной, но и *мировой экономики*, могут даже «позволить» получать таким отраслям «справедливую прибыль»⁷.

Но наряду с экономиками, где отрасли с убывающей отдачей являются более распространенными, существуют, на наш взгляд, хозяйственные системы, где, наоборот, основу составляли и составляют отрасли с возрастающей отдачей. По косвенным данным мы можем предполагать, что именно такие экономики обозначались как «азиатский способ производства» (К. Маркс), «гидравлические общества» (Wittfogel, 1959), «редистрибутивные экономики» (Polanyi, 1977), «экономики дефицита» (Корнаи, 1990), «раздаточные экономики» (Бессонова, 1994; 1997; 2006), «экономики категории В, или культурно регулируемые системы» (Роузфилд, 2004), «X-экономики» (Кирдина, 2004, 2007) и т. д. Как правило, они оказываются за пределами анализа по классическим схемам *economics*.

Для экономики отраслей с возрастающей отдачей, как можно предположить из графика на рисунке 2, стремление экономического агента к максимизации дохода не может рассматриваться в качестве исходной предпосылки адекватной экономической модели. Это стремление ведет к разрушению такого рода хозяйственной системы, так как суммарный общественный эффект неизбежно будет меньше того, который мог быть достигнут

в состоянии равновесия, предполагающего убытки (отсутствие прибыли) производителя. Другими словами, ориентация производителей на прибыль объективно провоцирует хроническое самоистощение экономики и соответственно невозможность ее поступательного развития. Иначе говоря, если при доминировании отраслей с убывающей отдачей производители будут «преследовать свой собственный интерес», их поведение отнюдь не будет «действенным образом служить интересам общества», как предполагал Адам Смит. В теоретическом плане это означает, что построение модели функционирования подобной экономики вряд ли можно базировать на постулатах методологического индивидуализма и стремления индивидов к максимизации полезности. Здесь требуются иные методологические подходы.

Возможные альтернативы

Одно из направлений альтернативного анализа связано с построением теорий экономического поведения, в которых индивиду вменяются иные «базовые инстинкты» — стремление к кооперации, сотрудничеству и т.п. Примером такого подхода являются разработки российской школы экономической мысли XIX века. Как отмечает Л. И. Абалкин, «для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума» (Абалкин, 2003, 19). Такой предмет исследования обозначили стоящие у истоков национальной экономической школы Н. С. Мордвинов и А. К. Шторх (Ольсевич, 2003, 36), представившие иной взгляд на человека как участника экономической деятельности. В человеческой природе представители российской школы экономической мысли выделяют не столько эгоистическое, как А. Смит и его последователи, сколько социальное начало. Об этом свидетельствуют, например, взгляды Н.Д. Кондратьева с его представлением о «двойственной естественно-социальной природе человека» и А. В. Чаянова, отмечавшего «социальность человеческой органической природы» (Ольсевич, 2003, 47-48).

В современной экономической теории аналогичное направление реализуется в «когнитивно-психологическом сдвиге» (термин Ю.Я. Ольсевича), в разработке концепций, пересматривающих одно из оснований неоклассики — «экономического человека». Структура психики человека, прежде всего коллективного, национального человека как «совокупности взаимосвязанных индивидуалистических, социэтарных и развивающихся потребностей, включая как врожденные, так и формируемые культурой» (Ольсевич, 2007, 62) полагается адекватной исходной предпосылкой построения новой теории социально-экономической системы.

Другое направление «отказа от постулата всеобщности методологического индивидуализма» (Рубинштейн, 2008, 79) представлено в работах Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. В развиваемой ими концепции «экономической социодинамики» обосновывается принцип комплементарности индивидуальной и социальной полезности, что позволяет авторам строить модели экономики, учитывающие механизм реализации социального интереса (Гринберг, Рубинштейн, 2000).

Третьим направлением исследований, подвергающим переоценке принцип методологического индивидуализма, являются разработки в русле институционального подхода. Он позволяет перейти от уровня индивидов к уровню экономической системы, представляемой как структура институтов. Таким образом появляется возможность элиминировать влияние поведенческих характеристик. Но достигается ли эта цель современным неонституционализмом — наиболее популярным сегодня направлением институциональных исследований?

Мы утверждаем, что современная неонституциональная теория англо-американской школы, имеющая своим объектом институты, развивает те же исходные предпосылки, что и неоклассическая теория. В данном случае воспользуемся таким аргументом, как «ссылка на авторитет». Известные исследователи отмечают, что неонституционалисты хотя и стремились выйти за пределы базовых постулатов ортодоксальной теории, остались в рамках ее парадигмы (Нестеренко, 2002, 11). Как пишет М. Блауг, «школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» (Блауг,

1994, 958). Действительно, институты здесь рассматриваются преимущественно в контексте индивидуального поведения, направленного на цели максимизации дохода (уменьшения издержек). Так, институты понимаются как «правила игры», сознательно созданные индивидами для организации взаимодействия с целью структурирования стимулов обмена и уменьшения трансакционных издержек при максимизации полезного эффекта (Норт, 1997, 16), как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов (Ходжсон, 2003, 37), как устойчивые стереотипы индивидуальных действий — «рутины» (Нельсон, Винтер, 2002) и т.п.

Таким образом, принцип «методологического индивидуализма», адекватный для экономики отраслей убывающей отдачи, сохраняется в качестве одной из исходных предпосылок неинституциональных теорий. Поэтому нам представляется справедливым следующее утверждение Дж. Ходжсона: «...хотя в употреблении ярлыка «методологического индивидуализма» нет единообразия, ключевым элементом классических тезисов этой доктрины всегда является отказ исследовать институциональные и иные силы, задействованные в формировании индивидуальных предпочтений и целей...» (Ходжсон, 2003, 94). Другими словами, «институциональные силы», стоящие вне индивидов, не попадают в поле рассмотрения неинституционалистов.

Иное понимание институтов, на которое целесообразно обратить внимание в настоящем докладе, развивается в рамках постсоветского институционализма, а именно «социологического институционализма» Новосибирской экономико-социологической школы (Davudova; Попков, Тюгашев; Иванов и др.). «Социологический институционализм» складывался на основе развития идей основоположника школы Т.И. Заславской по методологии системного изучения социальных объектов (Заславская, 1982; 1985), а также исследований социальных механизмов развития экономики и общества, внутренним, глубинным элементом которых полагаются институты (Заславская, Рывкина, 1991). Институты предлагается рассматривать как системные функциональные основания общественных систем и их подсистем — в данном случае экономики. Можно сказать, что институты — это устойчивые, структурирующие об-

щество образцы социальных взаимодействий, проявляющиеся *de lege, praeter legem et contra legem* (в рамках закона, несмотря на закон и вне закона)⁸.

Обозначенный подход позволяет абстрагироваться при анализе институтов от необходимости учитывать мотивацию человеческого поведения (принимаемую во внимание в неоклассической и неоинституциональной экономической теории), а сосредоточиться на свойствах институтов, воспроизводящихся независимо от того, какие люди живут в институциональной среде и пользуются ею. Индивид, «обладающий особым, неинституциональным субъективным качеством» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2007, 104), включается в схему анализа на последующем этапе при рассмотрении процесса индивидуализации — «расщепления» институтов, где реализуются избирательность и свобода выбора экономических субъектов. При таком подходе мы можем обозначить проблему институциональной самоорганизации экономики.

Резюме

Одной из исходных предпосылок большинства современных экономических теорий является принцип «методологического индивидуализма», означающий ориентацию индивида на максимизацию дохода. Как заметил Дж. Коммонс, речь идет «о рабочей гипотезе чистого эгоистического интереса, начиная от Бентама и заканчивая теорией предельной полезности. Это — экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы... под термином «несовершенная конкуренция», «монополистическая конкуренция», «конкурентная монополия». ... Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода...» (Коммонс, 2007 (1936), 60). Предпосылка «методологического индивидуализма» адекватна для анализа экономик отраслей убывающей отдачи: маржиналистские теории показывают, что стремление индивида к индивидуальной выгоде (или отрасли к прибыли) обеспечивает наилуч-

ший общественный результат. В то же время для экономики отраслей с возрастающей отдачей стремление производителя к максимизации дохода ведет к постоянному уменьшению общественного эффекта и самоистощению экономики. История хозяйства нашей страны и приведенные ниже данные позволяют предположить, что российская экономика относится к данному типу. Для таких экономик построение объяснительных моделей на основе принципа «методологического индивидуализма» — неверный ход. Отказ от принципа «методологического индивидуализма» возможен, если перейти от рассмотрения экономики как совокупности индивидов к экономике как структуре институтов.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Экономика как структура институтов

Изучение институтов долгое время находилось за пределами экономических исследований, считаясь прерогативой социологии. К середине 1950-х годов это положение было закреплено в классической работе Й. Шумпетера «История экономического анализа» (Shumpeter, 1954) и было принято большинством экономистов. Спустя годы институты появились на периферии исследований экономистов, но лишь как фактор, объясняющий многообразие проявления общих экономических законов в разных странах. Примером такого понимания роли институтов является программа одного из лидеров посткейнсианства Л. Пазинетти (Pasinetti, 1993, 1994). Он предлагал разработать «предынституциональную» теорию экономической динамики для анализа изменений в структуре общественного продукта (в любой экономической системе), а институты «вводить» в эту общую теорию на стадии ее конкретизации (цит. по: Ананьин, 2005, 115). Но постепенно ситуация изменилась. В настоящее время изучение институтов становится важным фокусом анализа, хотя до сих пор термин «институт» не является моносемичным (однозначно понимаемым) у разных авторов.

Обозначим некоторые исторически сформировавшиеся особенности содержания данного понятия, которые складывались вне экономической теории, но весьма полезны для нашего анализа.

Во-первых, в соответствии с гегелевской традицией, институты представляют собой *трансубъектные* и *трансобъектные* универсалии (Ананьин, 2005, 103), задающие правила поведения людей и организаций. Они характеризуют их сущность, которая

проявляется в функционировании конкретных норм, принятых последовательностях действий, закономерностях поступков, формах отношений, что постоянно воспроизводятся, воплощаются в деятельности людей. В связи с этим в отношении институтов неправомерны оценки их «правильности» или «неправильности», они существуют, поскольку рациональны и целесообразны по известным или неизвестным нам причинам.

Во-вторых, институты задают правила *общественной деятельности* людей в государствах — устойчивых социальных образованиях, институты составляют «прочный базис государства» (Гегель, 1990, 291). Институты являются, таким образом, средствами (и следствиями) организации совместной деятельности людей в государствах, обеспечивая координацию их действий. Другими словами, институты не есть лишь правила или обычаи, например по поводу того, как приветствовать людей или завязывать галстук. Здесь необходимо добавить, что институты, возникнув и закрепившись, регулируют в государствах не только правила общественной деятельности, но и распределения материальных факторов производства и социальной жизни.

В-третьих, институты представляют собой определенные социальные нормы, латентные стандарты социальной деятельности, сформировавшиеся в ходе исторической эволюции. Являясь скрытыми «несущими общественными конструкциями», они тем не менее имеют свое символическое воплощение. Общественная практика закрепила их как *в общественном сознании, так и в опредмеченных феноменах* в виде правовых норм, типах организационных структур и т.д., поскольку следование этим «социальным нормам» обеспечивало сохранение целостности государств и их развитие.

Перечисленные особенности институтов показывают, что они, во-первых, существуют «вне» людей и организаций как внутренне рациональные отношения, во-вторых, они координируют общественную деятельность и распределение благ в социуме, и, в-третьих, институты непосредственно наблюдаемы, а потому могут быть выявлены, описаны и научно проанализированы.

Вернемся к экономике. Можно ли говорить о самоорганизации такого социального феномена, как экономическая система? Весьма распространенным является представление о том, что *люди*

организуют общественные и хозяйственные связи согласно своим представлениям, взглядам, возможностям, они создают институты и «сами делают свою историю». Но еще 150 лет назад Карл Маркс писал, что в общественном производстве, служащем поддержанию жизни, люди вступают в определенные необходимые, не зависящие от их воли отношения, которые соответствуют определенной степени развития материальных производительных сил. Другими словами, действия людей лишь выражают «экономический императив», который хозяйственная система «навязывает им» в соответствии со своими материальными условиями. Поэтому возможно рассмотрение экономики как реальности, существующей по собственным законам. С этой точки зрения экономическая система может быть проанализирована как самоорганизующаяся структура, целью которой является воспроизводство социальной жизни в природном окружении. Но поскольку экономика представляет собой систему с участием человека, то *механизм ее самоорганизации отражается в структуре институтов*, то есть в исторически формирующихся устойчивых правилах социальных взаимодействий хозяйствующих субъектов.

Если определить самоорганизацию как «последовательное, динамическое сведение параметров системы, имеющей целевую функцию, к оптимальным» (Гайворонский, 2004), то самоорганизация экономики представляет собой процесс формирования структуры институтов, обеспечивающих эффективное использование ограниченных ресурсов для обеспечения развития экономической системы в целом.

Представление экономики как структуры институтов реализует, на наш взгляд, системную парадигму в экономической теории, постепенно распространяющуюся и в отечественных исследованиях⁹. Основные характеристики системной парадигмы наиболее последовательно рассмотрены Я. Корнаи (Корнаи, 2002). Для нашего анализа важно отметить, что при системной парадигме, во-первых, внимание сосредоточивается не только и не столько на индивидах, сколько на институтах, понимаемых достаточно широко, как возникших исторически и развивающихся эволюционным путем. Во-вторых, системная парадигма предполагает изучение не только характеристик экономики, взятой самой по себе. Здесь общество —

латентно или явно — также выступает объектом исследования, а понимание его черт и специфики становится значимым фактором изучения складывающихся в обществе экономических отношений. Другими словами, системная парадигма имеет дело с экономикой как определенной подсистемой общества, соответственно тип экономики определяется (находится в связи) с типом общества. Большинство отнесенных к данной парадигме исследований (Корнаи включил в их список труды К. Маркса, В. Ойкена, К. Поланьи, Л. фон Мизеса, Й. Шумпетера, Ф. Хайека и свои работы) выходят за признанные рамки экономической теории. Об этом свидетельствуют сами названия трудов, например, «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетера, «Великая трансформация» Поланьи и т.д. Одновременно Я. Корнаи специально отметил, что представители системной парадигмы изучали или фиксировали не один, а, как правило, два типа экономических систем, по-разному их называя.

Теоретическая гипотеза (теория) институциональных матриц (Кирдина, 2001), развиваемая автором в рамках «социологического институционализма» Новосибирской экономико-социологической школы, также реализует, на наш взгляд, отмеченные черты системной парадигмы. Социальная система моделируется в указанной теории как структура двух взаимодействующих институциональных матриц, они условно названы X- и Y-матрицами. Каждая из матриц (от лат. *matrix* — матка) отражает устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономики, политики и идеологии¹⁰. Матрицы сформированы «симметричными», то есть выполняющими аналогичные функции, институтами. Но способы реализации сходных функций различны, что объясняется необходимостью приспособления социума к окружающей материальной среде. Поэтому матрицы разные.

Поскольку в теории институциональных матриц экономика, наряду с политикой и идеологией, выделяется в качестве одной из подсистем, экономическая структура также моделируется как комбинация двух комплексов базовых и комплементарных институтов, относящихся к различным матрицам. Базовые институты задают основные, преобладающие формы социальных взаимодействий, воплощенные в конкретных *институциональных формах*.

Комплементарные институты (и соответствующие им институциональные формы) играют дополняющую роль и действуют в рамках доминирующей матрицы институтов. Создание и отмирание, адаптация заимствуемых и модернизация исторически присущих институциональных форм характеризуют непрерывный процесс институциональных изменений.

Предполагается, что воспроизводство институциональной структуры происходит на основе *матричного принципа* (см. Приложение), аналогично тому, как это происходит в живых биологических системах. Матрицы базовых и комплементарных институтов образуют «механизм» для считывания информации и последующего синтеза новых институциональных форм, с отбором тех сочетаний, которые соответствуют исходным матрицам и одновременно эволюционно модернизируют социальные формы. Процесс этот происходит в историческом времени и может занимать годы, десятилетия и даже столетия.

Вернемся к экономической теории. На наш взгляд, из ее принципиального постулата о дефицитности благ вытекает, что в долгосрочном аспекте любая хозяйственная система обладает внутренней направленностью на минимизацию ресурсов при получении ожидаемого производственного результата своего функционирования. Этот принцип трактуется как принцип эффективного размещения ресурсов, то есть стремления к максимальному производственному эффекту от аллокации ресурсов производства. Как предполагается в теории институциональных матриц, реализация этого общего для любой экономической системы принципа может достигаться различными комбинациями X- и Y-институтов.

X- и Y- экономики

Экономики рассматриваются как гетерогенные иерархические неравновесные структуры, в которых взаимодействуют институты рыночного и нерыночного (редистрибутивного) типа. При этом одни группы институтов имеют доминирующий характер, являются базовыми, в то время как альтернативные им институты лишь допол-

няют структуру экономических отношений, являются племенными. По названию доминирующей в обществе институциональной матрицы структуры экономических институтов, или институциональные модели экономики, также получили соответствующие названия — X- и Y-экономики (Кирдина, 2004в). Комплексы базовых институтов X- и Y-экономик представлены в таблице.

Таблица.

**Функции и содержание экономических институтов
в моделях X- и Y-экономик**

Функции экономических институтов	Базовые институты X-экономики	Базовые институты Y-экономики
Движение благ <i>Transfer of goods</i>	Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение) <i>Redistribution (accumulation-coordination-distribution)</i>	Обмен (купля-продажа) <i>Exchange (buying-selling)</i>
Закрепление благ <i>Fixing of goods (property rights system)</i>	Верховная условная собственность <i>Supreme conditional ownership</i>	Частная собственность <i>Private ownership</i>
Взаимодействие экономических агентов <i>Interaction between economic agents</i>	Кооперация <i>Cooperation</i>	Конкуренция <i>Competition</i>
Организация труда <i>Labor system</i>	Служебный труд <i>Employed labor</i>	Наемный труд <i>Contract labor</i>
Сигналы обратной связи (эффективности) <i>Feed-back (effectiveness indexes)</i>	Ограничение издержек (X-эффективность) <i>Costs limitation (X-efficiency)</i>	Возрастание прибыли (Y-эффективность) <i>Profit maximization (Y-efficiency)</i>

Редистрибуция и обмен¹¹ — первая пара базовых институтов — выполняют в разных моделях экономик одну и ту же функцию. Они представляют собой преобладающий способ движения благ на основе постоянно воспроизводящихся связей между экономическими агентами. Этот способ опосредует процесс получения из природного окружения необходимых ресурсов и обеспечения членов общества нужными для существования и развития благами.

Что отличает редистрибуцию¹² от известных и описанных в экономической литературе отношений обмена? Редистрибуция ха-

рактирует процесс движения материальных ценностей и услуг (но главное — соответствующих прав) не между независимыми экономическими агентами, как в обмене. Редистрибуция как устойчивое отношение исторически возникает тогда, когда большинство хозяйствующих субъектов находятся в общей зависимости от значимого для них ресурса, когда взаимодействие между ними прямо или косвенно предполагает использование этого общего ресурса, не принадлежащего каждому в отдельности. Такой ресурс является общим благом.

Неоклассики и неоинституционалисты полагают, что в случае такого блага (в теории общественного выбора ему соответствует понятие «общественное благо», а в новой институциональной экономической теории — понятие «коммунальной собственности») также действуют отношения обмена, но учитывающие результаты голосования экономических агентов по поводу использования и распределения такого рода благ (подробнее об этом см. Нуреев, 2005, 67-68; Шаститко, 2002, 302-304). На наш взгляд, это справедливо в отношении тех экономик, где институт обмена является доминирующим. Поэтому в случае с общим благом на него также распространяются действующие в массовом порядке правила обмена, пусть и с модификациями¹³.

Иная ситуация возникает в том случае, когда зависимость от общего или коммунального блага распространяется на основную массу экономических агентов, когда отношения обмена не играют главной роли. В истории хозяйства разных стран это была или зависимость от действия единой системы заливного рисоведения (как в Китае и др. странах Юго-Восточной Азии), или ирригационной системы орошения, как в Египте, или зависимость от системы речных путей или доступа к земле для аграрного производства, требовавших общего использования и охраны, как в России. В такой коммунальной материально-технологической среде объективно требуется согласование хозяйственных транзакций не только между двумя совершающими их субъектами, но и с другими участниками хозяйственной жизни, которых эти действия прямо или косвенно могут затронуть. В этом случае стремление экономических агентов к минимизации транзакционных издержек¹⁴, выявленное Р. Коузом, приводит к тому, что основная совокупность необходимых согласований сосредоточивается в одном органе, который начинает выпол-

нять функции Центра. Другими словами, если в ходе определенной транзакции необходимо прямо или косвенно соотноситься с использованием (правами доступа, сохранения и т.д.) значимого для большинства участников хозяйственной деятельности ресурса или условия, то вместо согласования со всеми участниками экономики контрагенты обращаются в спонтанно формирующийся Центр. В нем аккумулируется необходимая информация, определяются очередность и иные правила пользования общим благом, равно как и концентрируются ресурсы, необходимые для поддержания координирующей роли Центра.

Поэтому, в отличие от модели обмена, предполагающего две стороны хозяйственного процесса, что и выражается соответствующей парой взаимопроникающих фаз «купля-продажа», схема редистрибуции включает в себя три стороны: пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их отношения Центра. Такая модель отношений содержится в формуле Карла Поланьи «storage-sum-redistribution» (Polanyi, 1977, 40-41), обозначающей непрерывный процесс сбора, аккумулирования (storage, collection) производимых отдельными хозяйствующими субъектами продуктов, совмещаемый посредством Центра (в процессе согласований) с направлением ресурсов и вновь производимой продукции в производство и потребление (distribution, redistribution). Иными словами, в рамках редистрибуции выделяются три составляющие ее фазы — «аккумуляция-согласование-распределение». Соответствующие им операции касаются не только ресурсов (благ, услуг, продуктов), но и соотносимых с ними правовых норм (учета, контроля и т.д.). Аналогично тому, как отношения обмена — простейшей экономической формы — неразложимы на фазы купли и продажи, а содержатся одна в другой, необходимо предполагают одна другую, так и отношения редистрибуции невозможно, без потери их содержания, расчленить на отдельные фазы.

Обмен и редистрибуция — базовые экономические институты, воплощаются и исторически развиваются от примитивных к более развитым формам. Траектория развития состоит во все большей цивилизованности этих отношений, сутью которой являются их легитимация, более свободный характер и учет интересов всех участвующих в этих процессах экономических субъектов. Одновременно

формы, в которых воплощаются отношения обмена и редистрибуции, становятся более сложными, адекватными потребностям современной социальной жизни. Например, если ранее обмены были представлены торговлей на площадях средневековых городов, то сегодня — это фьючерсные сделки на международных рынках. Также и редистрибуция, воплощавшаяся ранее в системах сбора дани русскими князьями, сегодня находит свое выражение в процессе планирования российского бюджета или национальных проектах развития основных сфер жизнедеятельности российского населения.

Поскольку обмен (рынок) и редистрибуция определяют особенности преобладающих хозяйственных отношений, то экономики с доминированием X-институтов правомерно вслед за Поланьи (Polanyi, 1977, 36; Поланьи, 1944, 10) называть редистрибутивными экономиками, в то время как экономики с доминированием Y-институтов — обменными, или рыночными экономиками.

Условная верховная и частная собственность — следующая пара альтернативных и одновременно комплементарных институтов в моделях X- и Y-экономик.

Частная собственность главенствовала и в Римской империи в эпоху ее расцвета, и составляет костяк хозяйственной системы современных Соединенных Штатов Америки и европейских стран. Институт частной собственности в модели Y-экономики гарантирует, что обществом санкционирована полнота сосредоточения прав по владению, распоряжению и использованию экономических благ (продуктов, ресурсов и т.п.) за хозяйствующими субъектами. Соответственно все другие субъекты исключаются из несанкционированного доступа к материальным и нематериальным благам, находящимся в частной собственности.

Гораздо менее исследованы отношения собственности, характеризующие модель редистрибутивных X-экономик. Институт верховной условной собственности означает, что правила доступа к использованию объектов в качестве средств и предметов производства имеют условный, то есть меняющийся во времени характер, определяемый в той или иной мере верховным уровнем управления¹⁵. Таким верховным уровнем для хозяйственной системы выступает Центр, а, например, для фирмы — руководство фирмы. Изменение правил доступа определяется состоянием и ролью значимых для

всей экономики (или фирмы в целом) ресурсов и условий производства в данный исторический момент. Хотя конфигурация и структура собственности постоянно меняются, сохраняется роль верховного уровня управления как основного регулятора отношений собственности. Если распределение объектов собственности не обеспечивает со стороны использующих ее хозяйственных субъектов необходимого вклада в суммарную экономическую эффективность или используется с ущербом для общественных (или фирменных) интересов, действуют механизмы изъятия или передачи объектов собственности другим, более эффективным хозяйствующим субъектам (или подразделениям фирмы).

Взаимоотношения агентов в экономической структуре в моделях X- и Y-экономик регулируются институтами либо **кооперации**, либо **конкуренции** соответственно. Кооперация институционализируется естественным образом тогда, когда она является более эффективной для вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот, чем использование ограниченного ресурса отдельным производителем. Доминирование института кооперации (а не конкуренции) связано с распространенностью в X-экономиках тех благ, которые принято называть общественными благами. Как отмечает М. Блауг, «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше достается любому другому» (Блауг, 1994, 549). В связи с этим выделяются два их специфических свойства — неисключаемость и несоперничество (Гринберг, Рубинштейн, с. 50-51). Неисключаемость (nonexcludability) в потреблении означает доступность благ каждому. Несоперничество (nonrivalness) предполагает, что потребление данных благ кем-то не должно препятствовать потреблению этих благ другими. В силу этих свойств и особой природы данных благ при их использовании вместо конкуренции преобладает кооперация.

Соответственно конкуренция является стимулом борьбы за обладание ограниченным ресурсом в тех случаях, когда эффективна частная собственность, когда возникает выгода в закреплении за экономическими субъектами части ресурсной материально-технологической среды и других условий производства, когда ситуация в целом содействует устойчивости конкурентного способа распреде-

ления экономических благ. В модели рыночной Y-экономики существуют и взаимодействуют разнообразные модели конкуренции¹⁶, обеспечивающие воспроизводство экономик подобного типа.

Трудовые отношения в моделях X- и Y-экономик регулируются соответственно институтами **служебного труда**¹⁷ или **наемного труда**. В целом содержание трудовых отношений, как и всех важнейших хозяйственных связей, определяется спецификой способа закрепления благ, типичного для экономики. В рыночных экономиках, как было отмечено еще К. Марксом, наемный труд представляет собой, по сути, процесс обмена, то есть купли-продажи рабочей силы. Соответственно «воссоединение трудовых процессов» в редиистрибутивных экономиках происходит посредством редиистрибуции, как писал Поланьи (Polanyi, 1977, 40).

Функционирование экономической структуры предполагает наличие сигналов обратной связи. В рыночных экономиках таким сигналом является получение прибыли экономическими субъектами. Институционализация способов получения прибыли формирует механизм обратной связи в модели Y-экономики.

Институт прибыли обеспечивает не столько «доход для дополнительного потребления», сколько наличие и воспроизводство необходимого в условиях частной собственности постоянного «страхового запаса», в котором нуждается обособленный производитель. Действие института частной собственности, обуславливающего доступ к необходимым благам лишь через посредство обмена, а также институт конкуренции обуславливают наличие объективно существующего лага в производственной деятельности. Невозможность мгновенного совершения хозяйственного цикла и перерыв в переходе к следующему хозяйственному циклу означает, что для выживания основных участников экономики в эти периоды необходимо иметь тот самый излишек, который позволит пережить это время и вступить в следующий хозяйственный цикл. Еще в 1921 г. при анализе предпринимательского дохода подобное понимание прибыли (погашаемой впоследствии убытками) представил в своих работах Ф. Найт (Knight, 1921). Известный советский экономист В.Н. Богачев также отмечает, что прибыль, являясь определенным специфическим отношением, а во внешнем проявлении — разностью между выручкой и издержками, представляет собой «плату за риск», кото-

рая (прибыль) «в периоды упадка коммерческой инициативы компенсируется убытками периодов массового ажиотажа, когда сонмы предпринимателей, работающих «от себя», не зарабатывают даже оклада равноценного наемного служащего» (Богачев, 1993а, 11).

Институт прибыли обеспечивает выживание и расширенное воспроизводство основных участников хозяйственной жизни — производителей и потребителей. Как и все экономические институты, он может служить одновременно самым разнообразным целям, достижение которых необходимо в экономической системе — выступать хозяйственной мотивацией, обеспечивать создание условий расширенного воспроизводства и «возможности новых комбинаций» (по Й. Шумпетеру), а также многое другое. Но его основная функция в институциональной структуре Y -экономик состоит, на наш взгляд, в том, что институт прибыли обеспечивает воспроизводство частных собственников, не имеющих иных способов поддержания своей функциональности в рыночной среде. Поэтому получение необходимой прибыли основной массой участников экономической деятельности сигнализирует о нормальном ходе¹⁸ хозяйственного развития в Y -экономиках.

Конкурентная самоорганизация рыночных экономик на основе института прибыли как основного сигнала обратной связи, означает следующее: предложение в экономике увеличивается до тех пор, пока цены достаточны для покрытия дополнительных (предельных, маржинальных, или дифференциальных по В.В. Новожилову) издержек, то есть прибыль не отрицательна.

Какой же институт выполняет функцию механизма обратной связи в X -экономиках? Поиск ответа на этот вопрос занимает нас уже несколько лет, и нынешний вариант ответа — очередной шаг, приближающий, хочется верить, к удовлетворительному решению. В предыдущих публикациях в качестве механизма обратной связи X -экономик рассматривался «институт пропорциональности» (Кирдина, 2001, 115-116; Кирдина, 2004в, 133-134). Объяснением служил тот факт, что функционирование институтов верховной условной собственности и редистрибуции объективно требует наличия пропорциональности в разных сегментах экономической системы. Для того, чтобы ее обеспечивать, разумеется, необходим соответствующий институт. Кроме того, определенное влияние на

выделение данного института в структуре X-экономики имели идеи политической экономии социализма, составляющие интеллектуальное прошлое автора, как и большинства ныне здравствующих экономистов. (Речь идет об известном «законе планомерного пропорционального развития социалистического общества».) Но ведь планомерность свойственна и рыночным экономикам, поэтому вряд ли этот институт специфичен для модели X-экономики.

В настоящей работе в качестве сигнального механизма обратной связи в X-экономике предлагается рассматривать X-эффективность. Данное понятие введено Харви Лебенштейном и означает, что в условиях отсутствия давления конкуренции (как это имеет место в редистрибутивных X-экономике) эффективное функционирование хозяйственной системы достижимо при условии снижения издержек как в ее составных элементах, так и во всей системе в целом, за счет использования определенных внутренних источников (Liebenstein, 1966; 1978; Лебенштейн, 1995). Данный институт выступает в качестве механизма обратной связи в X-экономике, и так же, как и в случае с прибылью в Y-экономике, эта связь положительна. Стихийным проявлением данного института могут служить кризисы недопроизводства и снижения качества продукции, характерные для X-экономик (подробнее об этом см. Кирдина, 2004в, 154-157).

В пользу того, что институт снижения издержек, или X-эффективности, закономерно отнести к институциональной модели X-экономик, являются параллельные исследования зарубежных ученых. Так, Стивен Роузфилд в своем учебнике 2002 г. также относит X-эффективность к характеристике «экономик категории В», или культурно регулируемых систем, что соответствует в нашей классификации X-экономике, (Роузфилд, 427), в отличие от «экономик категории А», т. е. рыночных саморегулирующихся экономик.

В научной литературе термину X-эффективность со временем был сопоставлен термин Y-эффективность. Она обозначает эффективность, с которой фирмы используют существующие прибыльные возможности, то есть максимизируют прибыль за счет своих конкурентных преимуществ в рыночной среде (Словарь современной экономической теории Макмиллана). Это дополнительно убеждает нас в правомерности отнесения Y-эффективности именно к рыночной модели Y-экономики.

Действительно, институт прибыли, характерный для рыночных экономик, часто рассматривается в экономической литературе как «неподходящий» для экономик, где доминирует модель редистрибуции. Например, острые дискуссии по этому вопросу велись в нашей стране и в 1920-1930 годов, и в период политэкономии социализма. Полемика активизировалась с момента хозяйственных реформ в 1980-х годах. Убедительную критику прибыли, как неадекватного механизма обеспечения экономического народнохозяйственного интереса в условиях нашей страны, представил, например, В.Н. Богачев (Богачев, 1993а; 1993б; 2006). Практика современного реформирования также показывает, что ориентация важнейших экономических субъектов исключительно на прибыль (речь идет о таких структурах, как РАО ЕЭС, Газпром и др.) не обеспечивает эффективного функционирования экономической системы страны в целом.

Почему? Объяснением может служить график на рисунке 2, показывающий, что для отраслей с возрастающей отдачей стремление производителя к прибыли не позволяет оптимальным образом использовать имеющиеся ресурсы. По этой причине экономическая система стихийно вырабатывает формы и методы, сдерживающие возможность получения прибыли и направленные на ограничение издержек. Внешне это проявляется в нормировании, тарификации, регулировании цен, японских «кружках качества», советском «стахановском движении», программах роста производительности труда на 9-м съезде «Единой России» и т.д.

Можно предположить, что именно действие института X-эффективности или ограничения издержек, обеспечивает в конечном счете более низкие общественные затраты на производство продукции в тех странах, где доминирует модель X-экономики. Действительно, несмотря на наличие административных барьеров, расточительность ряда монопольных структур и другие негативные явления, характерные для стран Латинской Америки, России, Китая и др. стран Юго-Восточной Азии, цена их продукции по сопоставимым группам товаров и услуг оказывается, как правило, меньшей, чем в странах Европы и США, где доминирует модель Y-экономики (Кирдина, 2007).

Подытоживая, можно сказать, что в условиях ограниченности ресурсов, характеризующих хозяйствование как специфическую сферу деятельности, институты ограничения издержек (X-эффективности) и максимизации прибыли (Y-эффективности) выступают равнозначными, но качественно различными способами достижения баланса производства и потребления в моделях редибутивных и рыночных экономик.

Резюме

Экономическая система понимается нами как самоорганизующаяся структура, целью которой является воспроизводство социальной жизни в природном окружении. Но поскольку экономика представляет собой систему с участием человека, то механизм ее самоорганизации отражается в структуре институтов, то есть в исторически формирующихся устойчивых правилах социальных взаимодействий хозяйствующих субъектов. Институциональная самоорганизация экономики определяется как процесс стремления к равновесию под воздействием механизмов обратной связи, и одновременно как процесс воспроизводства адекватных институциональных структур в условиях постоянных самопроизвольных нарушений в регуляции и равновесии. Самоорганизация предполагает, что элементы экономической системы имеют способность вступать как минимум в два качественно различных типа взаимодействия, что означает процесс стихийного выбора системой одного из возможных способов. Модели X- и Y-экономик представляют собой два дополняющих друг друга способа институционализации хозяйственных связей, между которыми перманентно происходит этот выбор.

В чем состоит эффект использования идей самоорганизации, не «умножаем ли мы сущности», от чего предостерегают философы? Полагаем, что в данном случае нам удалось реализовать цели плодотворного применения естественно-научного подхода к анализу экономических явлений, поставленных во введении к настоящему докладу. Во-первых, описание развития экономики через взаимодействие институциональных комплексов X- и Y-экономик в

терминах самоорганизации становится, на наш взгляд, более точным и определенным. В кибернетике доказано, что наиболее экономичным способом воспроизводства естественных систем (которым мы уподобляем экономические системы) является воспроизводство инструкций, или правил взаимодействия между элементами. Предполагается, что основной процесс в их развитии, это — «непрерывное самовоспроизведение начального набора инструкций, что эти наборы инструкций, следовательно, служат элементами развития, что между получающимися наборами инструкций возможно общение и что нормальное развитие системы, состоящей из этих наборов инструкций, в конечном счете, определяется только этими инструкциями» (Аптер, 199). В социальных (экономических) системах такими *основополагающими правилами являются базовые институты* (Кирдина, 2001, 47-48). Выделение комплекса базовых институтов как основы развития экономической системы получает таким образом дополнительное обоснование с точки зрения общих законов развития сложных систем.

Во-вторых, уточняется положение о *доминировании институтов* одной из матриц в процессе социального развития при комплементарности других. Характерная особенность жизни, отмеченная еще Л. Пастером и вновь проанализированная в работах И. Пригожина (Пригожин, Стенгерс, 2003, 149), В.А. Геодакяна (Геодакян, 1972) и др., состоит в диссимметрии, то есть в превалировании одной из симметричных структур над другой. Диссимметрия может быть обусловлена единичным событием, случайным отбором, но после того как выбор произведен, в дело вступает так называемый автокаталитический процесс, и отобранная структура порождает подобные структуры (Пригожин, Стенгерс, с. 149). Доминирование либо X, либо Y-институтов, таким образом, выражает собой фундаментальный закон диссимметрии в распределении альтернативных элементов и соответствует неравновесным условиям, определяющим саму возможность развития сложных систем. Соответственно институциональная среда представляет собой бинарно-сопряженную структуру, в которой действует принцип иерархии, необходимый для развития живых систем. Принцип иерархии выражается в том, что доминируют, то есть имеют более высокий иерархический статус, экономические ин-

ституты либо X -, либо Y -матрицы, в зависимости от условий внешней среды — основного фактора эволюции.

В-третьих, взгляд на взаимодействие институциональных моделей X - и Y -экономик как средство самоорганизации экономической системы позволяет использовать математический аппарат, разработанный для анализа самоорганизующихся систем. Результаты моделирования самоорганизации экономики представлены в следующей главе.

ВЕРИФИКАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Несмотря на то что математизация экономики все чаще рассматривается как «устойчивая приверженность к ненаучной эпистемологии» (Эйхнер, 359), апелляция к формальным методам и построениям продолжает считаться важнейшим аргументом «законности» экономических теорий.

Кроме того, важную роль математических моделей в современной теории большинство специалистов связывают с тем, что математическая формализация и неоклассическое ядро *economic* усиливают друг друга. Они обеспечивают и поддерживают роль неоклассической экономической теории как основного мировоззрения и коммуникативного поля современных экономистов, включающего особый язык и комплекс метафор, невозможных без единого для них формализованного набора смыслов.

Но экономика является, на наш взгляд, прежде всего позитивной, а не нормативной наукой. Позитивная, или дескриптивная, теория ищет научные объяснения функционирования экономики, какова она есть или может быть, в отличие от нормативной экономики, которая предпочитает иметь дело с тем, что должно быть, и вносит в свои исследовательские схемы субъективные суждения. Таким массовым, но от этого не менее субъективным суждением является, на наш взгляд, допущение адекватности предпосылок неоклассической теории функционирования рынка, справедливых в отношении экономики отраслей с возрастающей отдачей для анализа экономики отраслей с убывающей отдачей, характерной для России.

Предлагаемая нами модель самоорганизации экономики (разработчик модели — С.Ю. Малков) представляет собой попытку

математически показать неадекватность мировоззренческого ядра (комплекса постулатов) неоклассики для понимания и анализа экономики отраслей с возрастающей отдачей. Одновременно доказывается неизбежность доминирования комплекса институтов редибутивной экономики, обеспечивающих в данном случае развитие и экономический рост.

Математическая модель самоорганизации экономики

Рассмотрение экономики как естественной самоорганизующейся системы дает основание использовать при ее изучении математический аппарат, разработанный для анализа физических процессов. При этом закладываются следующие исходные предпосылки.

(1) Экономика понимается как деятельность по эффективному использованию ограниченных ресурсов для развития социально-экономической системы. В этом смысле она идеологически нейтральна. Социальная структура представлена лишь в разрезе производственного и потребительского секторов. Институциональная структура формируется как результат спонтанного формирования правил, способствующих выживанию и развитию социально-экономической системы на основе развивающегося экономического базиса.

(2) Развитие экономической системы предполагает соответствие объемов произведенного и потребляемого продукта. Без такого соответствия невозможен устойчивый долговременный рост. Равновесие, в том числе рыночное, представляет собой один из моментов такого соответствия.

(3) Производство и обращение продукта представлены как стадии единого процесса, осуществляемые по аналогичной логике, по общим институциональным правилам. В фокусе анализа находится воспроизводственный процесс в целом.

(4) Ценообразование предполагает возмещение затрат и получение ресурсов для дальнейшего расширенного воспроизводства, что выражается в известной формуле цены «издержки плюс».

Этот плюс представляет собой инвестиции (накопление фондов), необходимые для дальнейшего развития и долгосрочного роста.

С учетом этого разработана динамическая воспроизводственная неравновесная математическая модель, описывающая движение продуктовых и денежных потоков между основными секторами экономики в краткосрочном периоде. В данной модели:

- экономика представлена как система взаимодействия двух секторов: производственного сектора 1, который производит товары и услуги, и потребительского сектора 2, который потребляет производимые сектором 1 товары и услуги и одновременно участвует в их производстве, обеспечивая производственный сектор рабочей силой. Для упрощения анализа принято, что экономическая система замкнута, то есть хозяйственные связи с внешним миром отсутствуют;

- используется макроэкономический подход, в соответствии с которым вся совокупность товаров и услуг рассматривается в виде агрегированного продукта (однопродуктовая модель). Объем производимого продукта (количество единиц) определяется функцией производства. Единица продукта имеет цену, которая может устанавливаться как рыночным образом в результате баланса спроса и предложения, так и путем назначения;

- источником поступления денежных средств для производственного сектора является приобретение населением агрегированного продукта (товаров и услуг); источником поступления денежных средств в потребительский сектор является зарплата, величина которой пропорциональна стоимости выпускаемого продукта;

- помимо выплат зарплаты денежные средства сектора 1 расходуются на обеспечение производственного процесса (внутреннее потребление) и накопление (потенциальные инвестиции). Затраты на внутреннее потребление пропорциональны имеющимся в производственном секторе денежным средствам;

- воспроизводство экономики обеспечивается за счет использования накоплений в производственном секторе; технический прогресс в модели не учитывается;

- население расходует свои денежные средства на потребление и сбережение. Спрос населения на агрегированный продукт определяется функцией потребительского спроса, которая пример-

но пропорциональна покупательной способности имеющихся у населения денежных средств;

■ параметры спроса и предложения не зависят от номинала используемых денежных знаков, они зависят от покупательной способности денежных средств, то есть от того, какое количество продукта можно приобрести на одну денежную единицу при складывающемся уровне цены (то есть покупательная способность денежной суммы U при уровне цен p равна U/p).

Основная гипотеза, проверяемая в модели, заключается в следующем: характер самоорганизации экономики зависит от того, отрасли какого типа — с возрастающей или убывающей отдачей — ее образуют. В связи с этим рассматриваются два вида функций производства, характеризующих объем производимой в единицу времени продукции (рис. 1):

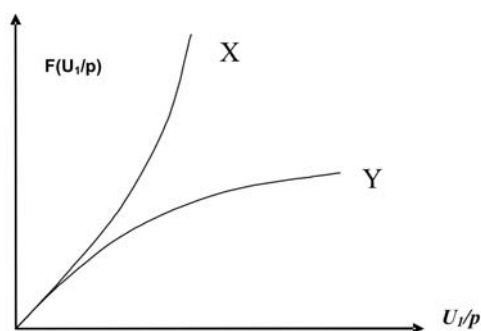

Рис. 1. Вид функции производства с убывающей (кривая Y) и возрастающей (кривая X) отдачей.

где p — цена единицы продукта;

U_1 — величина денежных средств в производственном секторе;

U_1/p — реальная покупательная способность имеющихся в производственном секторе денежных средств;

$F(U_1/p)$ — зависимость количества производимого продукта (производственная функция) от денежных возможностей производственного сектора.

Взаимодействие между секторами рассматривается в модели одновременно и через движение продукта, определяемого ма-

териальным балансом, и через денежные потоки. При этом денежные средства лишь опосредуют движение продукта. Избыточная величина денежных средств формирует ситуацию инфляции, а недостаточная — дефляцию.

Динамическая математическая модель, описывающая данную систему экономических взаимодействий, имеет следующий вид:

$$dU_1/dt = p \cdot Q_2 - p \cdot G, \quad (1)$$

$$dU_2/dt = p \cdot G - p \cdot Q_2, \quad (2)$$

$$dp/dt = a \cdot (Q_1 + Q_2 - F) \quad (3)$$

Величины Q_1 , Q_2 , G и F определяются в единицах выпускаемого (потребляемого) продукта.

Уравнения (1) и (2) характеризуют динамику изменения денежных средств U_1 в производственном секторе 1 и соответственно, денежных средств U_2 в потребительском секторе 2,

где:

$p \cdot Q_2$ — денежная сумма потребительского спроса на продукт, производимый в 1-м секторе. Она определяется ценой продукта p и величиной потребительского спроса Q_2 , пропорционального покупательной способности населения ($Q_2 = k_2 \cdot U_2/p$, где k_2 — коэффициент пропорциональности);

$p \cdot G$ — доходы населения, получаемые в виде зарплаты, пропорциональной (с коэффициентом пропорциональности h меньшим единицы) стоимости произведенной продукции: $p \cdot G = p \cdot h \cdot F(U_1/p)$.

Если денежная величина потребительского спроса выше, чем доходы населения в данный момент в виде зарплаты, то денежные средства «перетекают» в производственный сектор 1, что отражено в уравнении (1). Если зарплата населения в определенный момент t превышает его денежный потребительский спрос, то имеет место переток денежных средств в сектор 2 — уравнение (2).

Уравнение (3) определяет динамику изменения цен под воздействием соотношения спроса и предложения на производимый продукт.

Здесь:

Q_1 — количество продукта для внутреннего потребления в производственном секторе, необходимое для воспроизводственного процесса: $Q_1 = k_1 \cdot U_1 / p$, где k_1 — коэффициент пропорциональности;

F — функция производства, выраженная в единицах продукта, произведенного за единицу времени;

a — коэффициент пропорциональности, характеризующий скорость установления равновесной цены (dp/dt) и характер взаимодействия сферы производства и обращения. Скорость высока, если информация об изменении цены быстро поступает в сферу производства, и оно перенастраивается в соответствии с поступающими сигналами. Если скорость мала, то изменение производства происходит с запаздыванием. В случае неизменных цен $a = 0$.

Если величина производимого продукта F больше, чем сумма продукта, необходимого для внутреннего потребления в секторе 1 (Q_1) и удовлетворения потребительского спроса в секторе 2 (Q_2), то цена падает, и наоборот.

Система уравнений (1)-(3) предполагает, что суммарное количество денег в системе не меняется, эмиссия отсутствует (это следует из того, что в соответствии с (1) и (2) $dU_1/dt = -dU_2/dt$). Поэтому дифференциальное уравнение (2) может быть заменено более простым алгебраическим уравнением:

$$U_1 + U_2 = M = const. \quad (4)$$

Динамическими переменными полученной системы дифференциальных уравнений (1)-(4) являются U_1 , U_2 и p . Системы такого типа рассматривались в работах по физической экономике (Чернавский и др., 2002а,б). Они использовались также для анализа экономических процессов в современной России (Чернавский и др., 2001, 2003, 2004) и изучения закономерностей исторической динамики (Малков, 2004, 2006).

Поскольку цены меняются быстрее производства, то уравнение (1) $dU_1/dt = p \cdot Q_2 - p \cdot G$, преобразовано в

$$dU_1/dt \approx p \cdot ((1 - b) \cdot F - Q_1) \quad (5)$$

В условиях равновесия вся производимая продукция потребляется либо в секторе 1, либо в секторе 2, т.е.

$$F(U_1/p) - b \cdot F(U_1/p) - Q_1(U_1/p) = 0 \quad (6)$$

или с учетом $Q_1(U_1/p) = k_1 \cdot U_1/p$:

$$F(U_1/p) - b \cdot F(U_1/p) - k_1 \cdot U_1/p = 0 \quad (7)$$

С помощью данной модели¹⁹ можно определить значения динамических переменных, при которых достигается равновесие в рассматриваемой экономической системе.

Представим **случай 1**, когда функция производства F характеризуется убывающей отдачей. На рисунке 2 изображен график функции dU_1/dt , построенный для этого случая.

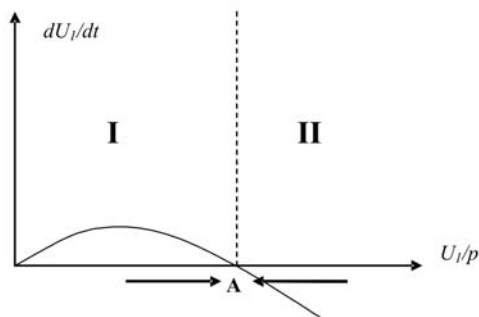

Рис. 2. Вид функции dU_1/dt в случае функции производства с убывающей отдачей.

В области **I** доходы производственного сектора выше расходов ($dU_1/dt > 0$), производство растет, цены падают, значение U_1/p увеличивается. В области **II** ситуация противоположная. Точка **A**, где dU_1/dt изменяет знак, — точка *устойчивого* равновесия. При отклонении системы от этой точки в область **I** или в область **II** равновесие нарушается (правая часть уравнения (5) перестает быть равной нулю), но в результате экономических процессов, описываемых уравнениями (1)-(3), происходит возвращение системы в равновесное состояние. Таким образом, в случае 1 реализуется ситуация рыночной самоорганизации, при которой механизм свободного установления цен на основе соотношения спроса и предложения приводит экономическую систему из двух секторов к точке равновесия, означающей наилучшее размещение ресурсов.

Рассмотрим **случай 2**, когда функция производства F характеризуется возрастающей отдачей. На рисунке 3 изображен график функции dU_1/dt , построенный для этого случая в соответствии с (5) и (7).

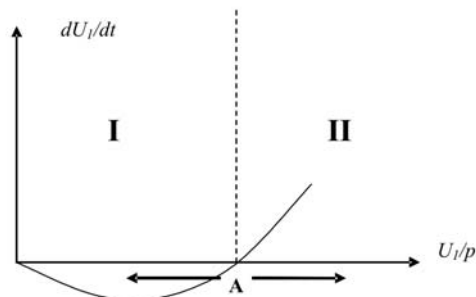

Рис. 3. Вид функции dU_1/dt в случае функции производства с возрастающей отдачей

Этот случай кардинально отличается от рассмотренного выше. Характер поведения системы в областях I и II изменяется на противоположный: в области I доходы производственного сектора ниже расходов ($dU_1/dt < 0$), производство падает, цены растут, значение U_1/p уменьшается. В области II — все наоборот. Точка А — точка равновесия, но это равновесие неустойчивое. При отклонении системы от этой точки и в область I и в область II происходит разбалансировка системы, и она начинает стремительно удаляться от равновесия. При отклонении в область II начинается бурный экономический рост (экономический бум) до тех пор, пока предельные издержки не начнут повышаться, то есть отдача начнет убывать и наступит стабилизация (см. случай 1). При отклонении в область I начинается процесс неуклонного снижения производства и одновременного усиления инфляции, что заканчивается «банкротством» производственного сектора.

Таким образом, в области I экономическая система отраслей с возрастающей отдачей при действии рыночного механизма формирования цены на основе соотношения спроса и предложения в долгосрочной перспективе существовать *не может*. Существуют ли способы стабилизации хозяйственной ситуации для такой экономики в области I? Работа с моделью показывает, что такие способы существуют.

Проанализируем график на рисунке 4.

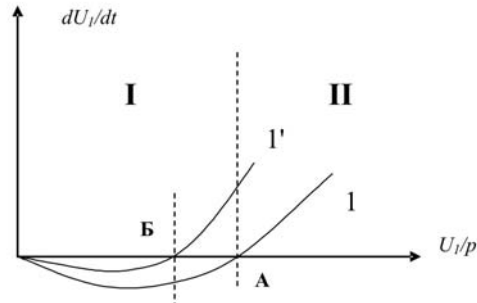

Рис. 4. Стабилизация экономической ситуации в области I в случае функции производства с возрастающей отдачей (кривая 1 — функция dU_1/dt при зарплате h , кривая 1' — функция dU_1/dt при фиксированных ценах p' и зарплате b').

Пусть экономическая система с возрастающей отдачей, первоначально находившаяся в точке неустойчивого равновесия (состояние А), сместилась в область I и перешла в состояние Б. В этом состоянии производство убыточно ($dU_1/dt < 0$). Здесь рыночное ценообразование на основе механизма соответствия спроса и предложения, в соответствии с уравнением (3), только усугубит ситуацию, поскольку будет происходить дальнейшее падение объемов производства при росте цен.

Но если остановить рост цен, зафиксировав их ($p = p' = const$), и одновременно снизить зарплаты ($b \rightarrow b'$) таким образом, чтобы материальный баланс (6) выполнялся, то ситуация стабилизируется. Условие стабилизации имеет вид:

$$F(U_1/p') - h' \cdot F(U_1/p') - k_1 \cdot U_1/p' = 0. \quad (8)$$

В этом случае приостанавливается переток денежных средств из сектора 1 в сектор 2, система становится равновесной, значения U_1 и U_2 стабилизируются, производство перестает падать. Однако это состояние неустойчиво, и поддержание равновесия возможно лишь при поддержке фиксированных цен и зарплат. Важно также, что в этом состоянии объем потребления в секторе 2 определяется уже не спросом $k_2 \cdot U_2/p'$, а реальными возможностями производства (то есть фактически по «остаточному принципу»). В этой ситуации потребительский спрос стабильно превышает предложение:

$$Q_2 = k_2 \cdot U_2/p' > F(U_1/p') - k_1 \cdot U_1/p' = h' \cdot F(U_1/p'), \quad (9)$$

где в левой части неравенства — потребительский спрос, а в правой — то, что реально может купить население (по «остаточному принципу»): объем произведенного продукта за вычетом его затрат на внутреннее потребление в производственном секторе.

Это ситуация означает перманентный дефицит, или, другими словами, несоответствие между платежными возможностями населения и объемом предоставляемых производственным сектором продуктов и услуг. В данном случае дефицит является платой за достижение стабильности в производственном секторе. Свободное установление цен на основе спроса и предложения, то есть их «отпуск», неминуемо, как следует из модельных расчетов, приводит к падению производства до 0.

Заметим по ходу, что указанные особенности рыночных и нерыночных экономик сопоставлялись ранее. Например, «общее перепроизводство» для первых и «общий дефицит» для вторых противопоставлял еще В. Новожилов в 1926 г. и Л. Крицман (1925), который писал: «В товарной капиталистической экономике наблюдается общий излишек, а в натуральном пролетарском хозяйстве — общий дефицит»²⁰. Анализ этого явления был предпринят в известной книге Януша Корнаи «Дефицит». Причины дефицита и слабой связи экономики с потребителем Корнаи видел в «вертикальной зависимости предприятия» в социалистической системе (Корнаи, 1990, 21). Также им было высказано (фактически — постулировано) положение, что «провокатором» дефицита является неограниченность ресурсов для производства и обусловленные этим «мягкие бюджетные ограничения»²¹. Наши же результаты показывают, что ситуация дефицита может также быть следствием функционирования экономики отраслей с возрастающей отдачей в условиях нерегулируемого ценообразования.

Вернемся к нашей модели. Можно ли из области **I** перейти в область **II**, то есть перейти от ситуации дефицита к экономическому росту? Моделирование показывает, что можно. Для этого необходимо состояние системы переместить в область правее точки **A** (см. рис. 4). Это достигается увеличением U_1 за счет уменьшения U_2 , то есть перераспределением денежных средств из потребительского сектора 2 в производственный сектор 1 при сохранении политики фиксированных цен²². Только после того, как экономическая система окажется в

области II, становится возможным и целесообразным переход к механизмам свободного ценообразования, поскольку, как уже отмечалось в комментариях к рисунку 2, рыночное ценообразование в области II способствует росту производства и снижению цен.

Какие же институциональные механизмы самоорганизации экономики являются естественным следствием ситуаций, смоделированных для разных типов отраслей?

Экономики в соответствии с используемым в нашем исследовании подходом рассматриваются как гетерогенные неравновесные «естественные» системы с участием человека. Траектории их развития, внутренней встроенной целью которого является достижение оптимального использования ограниченных ресурсов, опосредуются формированием институтов, обеспечивающих движение по этим траекториям. При таком подходе формирование институтов является выражением самоорганизации экономики в процессе ее воспроизводства. В процессе самоорганизации осуществляется стихийный выбор системой одного из объективно возможных способов, и этот выбор зависит от накладываемых внешней средой ограничений.

В качестве одного из факторов (накладываемых внешней средой ограничений), способствующих формированию той или иной модели, нами (Кирдина, 2004б) были определены характеристики материально-технологической среды, в которой осуществляется хозяйственная деятельность. Если среда является по своей сути *коммунальной*, то в ней складывается модель X-экономики и присущими ей институтами условной верховной собственности, редистрибуции, кооперации, служебного труда и X-эффективности. Если среда является *некоммунальной*, то формируется модель Y-экономики с институтами частной собственности, обмена, конкуренции, наемного труда и Y-эффективности. В 1996 г. впервые была высказана²³, а затем подтверждена историческими фактами гипотеза о том, что в России устойчиво доминирует коммунальная материально-технологическая среда, которая характеризуется внутренней неразрывностью (Кирдина, 1999). Это предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. В современной России примерами являются система железнодорожных путей, жилищно-коммуналь-

ное городское хозяйство, система трубопроводного транспорта, единые энергетические системы и т.д. Как отмечал В.Н. Богачев, такие технологические системы «могут управляться только как единое целое. Никакая конкуренция между частями и элементами этих систем немыслима, и, во всяком случае, нецелесообразна» (Богачев, 2006, 208). О том, что в экономике России коммунальные, по сути, отрасли продолжают доминировать, косвенно свидетельствует статистика основных фондов: в 2006 г. доля фондов этих отраслей²⁴ составляла 57% в совокупной структуре отечественного хозяйства (рассчитано по: «Важнейшие социально-экономические показатели развития России», табл. 14).

Результаты моделирования самоорганизации экономики также показывают, что на выбор институциональной модели оказывает влияние тип отраслей, доминирующих в экономической системе. Так, в **экономике отраслей с убывающей отдачей** эффективными оказываются формы рыночной самоорганизации с присущими ей правилами установления цен на основе баланса спроса и предложения. Другими словами, доминирует модель рыночной Y-экономики, более адекватная в этих условиях. Институционализация рыночных механизмов в таком случае является условием самоорганизации экономической системы.

Но необходимость регулирования ценообразования и структуры издержек, прежде всего в отношении величины заработной платы, обеспечивающих самоорганизацию **экономики отраслей с возрастающей отдачей**, формирует институциональную модель X-экономики. В этой модели реализуется ключевая роль редиistribuтивного центра с поддерживающими его функционирование институтами условной верховной собственности, редиistribuции, кооперации, служебного труда и X-эффективности. Модель X-экономики представляет собой с этой точки зрения необходимый объективно обусловленный производственными характеристиками отраслей способ самоорганизации экономики.

В реальной экономике взаимодействуют отрасли обоих типов. В этом случае самоорганизация экономической системы предстает как процесс выбора комбинации из двух механизмов — рыночного и редиistribuтивного. Хозяйственная практика имеет дело именно с такими ситуациями, что находит отражение в публикаци-

ях, посвященных анализу конкретных сегментов экономики²⁵. Дальнейшее исследование институциональной самоорганизации состоит в построении моделей экономической системы, где одновременно действуют отрасли с убывающей и возрастающей отдачей.

Госкорпорации как следствие институциональной самоорганизации

Одним из аргументов в пользу тех или иных теорий служат их объяснительные возможности при анализе новых феноменов. Возникающие в России госкорпорации — один из таких примеров институциональной самоорганизации экономики, который хорошо объясняется в рамках нашего подхода. Если с точки зрения многих уважаемых экономистов они представляют собой непонятное и временное явление, а журналисты видят в них лишь средство перераспределения власти в пользу президентских структур, то с точки зрения нашей теоретической схемы госкорпорации представляют собой ожидаемую, закономерную и, полагаем, долговременную институциональную форму.

Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ (СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3473) «Закон о некоммерческих организациях» дополнен статьей 7.1 «Государственная корпорация». Цели создания госкорпорации, в отличие от других некоммерческих организаций, четко определены: «Осуществление социальных, управленческих или иных общественно полезных функций». Предпринимательская деятельность возможна лишь во достижение целей, ради которых госкорпорация создается.

Государственная корпорация учреждается на основе специально издаваемого федерального закона. По сути дела, этот закон играет роль учредительного документа. Положения федерального закона о создании конкретной госкорпорации «имеют приоритет перед нормами Закона о некоммерческих организациях, которые применяются лишь субсидиарно». Именно федеральный закон определяет особенности правового положения государственной корпорации в отличие от других юридических лиц, чье правовое поло-

жение определяется уставом или учредительным договором, как того требует ст. 52 ГК РФ.

Учредителем является Российская Федерация в лице Федерального Собрания, принимающего закон о создании государственной корпорации. Имущественный взнос делает казна Российской Федерации. И хотя госкорпорация становится собственником переданного ей государством имущества, оно не теряется для государства безвозвратно. Так, при ликвидации государственной корпорации оставшееся имущество согласно п. 3 ст. 20 Федерального закона может быть передано Российской Федерации. Другими словами, в этом случае имущество возвращается к собственнику — Российской Федерации — так же, как при ликвидации учреждения, созданного государством. Использование имущества контролируется Счетной палатой РФ, которая уже разрабатывает процедурные вопросы такого контроля. На государственную корпорацию возложена обязанность ежегодно публиковать отчеты об использовании своего имущества в федеральных средствах массовой информации, например в «Российской газете».

Хотя в западных странах госкорпорации как организационно-правовая форма известны более 200 лет, к нам они пришли из Китая. Лишь с 2007 г. эта «дремавшая» форма²⁶ стало активно использоваться в отечественной хозяйственной практике. Декларированная причина их создания — неэффективность инвестиций в российской экономике. По оценкам экспертов (материалы круглого стола «Госкорпорации России: правовые и экономические проблемы» от 28 февраля 2008 г., проведенного Институтом экономики РАН совместно с НИИ системного анализа Счетной палаты РФ), 1% роста фондовооруженности в стране дает всего 0,4% роста производительности труда. Бытовавшая до 2007 г практика создания в России холдингов — ориентированных на прибыль современных экономических структур — не оправдала себя (было создано 17 из 37 запланированных на 2002-2008 гг.).

На наш взгляд, по своим ключевым параметрам госкорпорация точно вписывается в структуру базовых институтов X-экономики:

■ госкорпорация создается на основании специального закона РФ, отчитывается перед исполнительными структурами федеральной власти, которые назначают генерального директора и фор-

мируют наблюдательный совет. Имущество госкорпорации находится под государственным контролем и после ликвидации возвращается к собственнику (все отмеченные нормы соответствуют действию *института условной верховной собственности*);

■ госкорпорации имеют иерархическую структуру, предусматривающую не только разделение функций и ответственности между уровнями, но также организационную и финансовую соподчиненность (что соответствует *институту редистрибуции* с руководящим и опосредующим транзакции центром);

■ в состав госкорпораций включаются предприятия соответствующего профиля, взаимодействующие уже не на основе конкуренции, но консолидации усилий (что соответствует *институту кооперации*);

■ целью создания госкорпорации не может быть извлечение прибыли, что соответствует институту *X-эффективности* (а не *Y-эффективности*, то есть максимизации прибыли).

Доля госкорпораций к началу марта составляла в расходах госбюджета 17, а в доходах 22% (по материалам круглого стола «Госкорпорации России: правовые и экономические проблемы»). Их насчитывается пока менее десятка, но они создаются для решения важнейших и инвестиционных проблем: обеспечить повышение конкурентоспособности экономики («Внешэкономбанк» — май 2007), развивать нанотехнологии («Роснанотех» — июль 2007), модернизировать жилищно-коммунальное хозяйство («Фонд содействия реформированию ЖКХ» — июль 2007), готовить олимпийские объекты («Олимпстрой» — октябрь 2007), обновить атомную промышленность и энергетику («Росатом» — ноябрь 2007), содействовать производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции («Ростехнологии» — ноябрь 2007). Обсуждаются идеи создания госкорпораций по эксплуатации платных автомобильных дорог, по станкостроению и т.д.

По нашим прогнозам, число и суммарная мощность государственных корпораций будут расти. Госкорпорации представляют собой стихийно найденную экономикой форму, соответствующую институциональной доминанте государства, но «оплодотворенную» современными процедурами комплементарной рыночной среды (акционерная форма, принципы бюджетирования и пр.)

Резюме

Для анализа особенностей самоорганизации экономики была построена динамическая воспроизводственная неравновесная математическая модель, описывающая движение продуктовых и денежных потоков между производственным и потребительским секторами экономики. Моделирование подтвердило следующие выводы: 1) самоорганизация экономики отраслей с убывающей отдачей обеспечивается посредством системы институтов рыночной Y-экономики на основе механизма свободного ценообразования; 2) самоорганизация экономики отраслей с возрастающей отдачей обеспечивается системой институтов редистрибутивной X-экономики на основе механизма регулируемого ценообразования.

Математическая верификация представляется нам важным аргументом в пользу институциональной модели самоорганизации экономики, представляющей собой взаимодействие комплексов институтов X- и Y-экономик.

Другим аргументом служит использование положений теоретической институциональной модели для анализа феномена государственных корпораций. Сопоставление институциональных характеристик госкорпораций с комплексом доминирующих в России базовых институтов X-экономики позволяет предположить, что относительно новая форма госкорпораций является перспективным направлением дальнейших преобразований. Госкорпорации представляют собой «матричное» воспроизведение базовых характеристик X-экономики и одновременно являются результатом модернизации институциональной хозяйственной среды за счет внедрения рыночных форм и процедур.

Заключение: к дискуссии о смешанной экономике

В России вновь актуализировалась теоретическая дискуссия по вопросам смешанной экономики. Парадигма смешанной экономики рассматривает экономическую систему как характеризующуюся полиформическими принципами построения и предполагает множественность способов и методов регулирования экономических и социальных процессов, а также множество форм собственности и хозяйствования. «Смешанность» проявляется и реализуется прежде всего в том, что рыночный механизм саморегулирования экономики сочетается с воздействием государственных и общественных институтов и структур управления. Представления по поводу того, как осуществляется это сочетание, можно агрегировать в двух альтернативных точках зрения (если не принимать во внимание сторонников теории конвергенции и т.п.).

С одной стороны, неоклассическая, постклассическая и неoinституциональная теории утверждают естественное доминирование рыночных способов организации. Редистрибутивные схемы имеют комплементарный характер, реализуясь в деятельности правительства по регулированию монополий, корректировке эффектов экстерналий, производству общественных благ и преодолению других «провалов рынка» (Нуреев, 2005, 66). Более того, согласно теории общественного сектора даже его задача состоит преимущественно в обеспечении «передислокации» рыночных сил (например, за счет «налогов Пигу» или «разрешений на загрязнения») как «лучшего способа компенсации фиаско рынка» (Мэнкью, 2007, 149).

Заключение

Аналогичной позиции придерживаются отечественные исследователи смешанной экономики. Так, известный исследователь в этой области Л. В. Никифоров также пишет о «преобладании рыночных основ и способов деятельности как естественной основы функционирования экономики смешанного типа» (Никифоров, 2004, 33).

С другой стороны, имеется иная точка зрения, утверждающая, что для ряда стран, в том числе России (см., например, работы О.Э. Бессоновой), естественна симметричная ситуация, и эта точка зрения представлена в настоящем докладе. Мы полагаем, что в России на протяжении ее долгой и непростой истории не рыночная Y-экономика, а редистрибутивная X-экономика является доминирующим институциональным комплексом. Институты Y-экономики являются необходимым, но дополнением, обеспечивающим необходимый институциональный баланс. Формирование этого баланса носит стихийный характер и является результатом самоорганизации экономической системы в заданных внешних условиях.

Но деятельность людей может содействовать поиску оптимального соотношения институтов. Не случайно построение адекватной и эффективной институциональной структуры экономики составляет одну из главных задач социально-экономической политики как нашего, так и любого другого государства. И до того, как решать актуальную задачу «составления руководства для реформаторов, позволяющего отыскивать рациональные стратегии преобразования различных институтов в тех или иных конкретных обстоятельствах» (Полтерович, 2007, 12), бесполезно лишний раз удостовериться в том, каковы существенные особенности институционального устройства российской экономики и общества.

Литература

Bessonova O., Kirdina S., O'Sullivan R. Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk, 1996.

Davydova I. Die Novosibirsker Sociologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums // Oswald Ingrid, Possekel Ralf, Stykow Petra, Wielgolis Jan (Hg.) Sozialwissenschaft in Russland. Bd 2. Berlin, 1997.

Knight F. Risk, Uncertainty and Profit. Boston, 1921.

Lavoie M. Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis. Brookfield, 1978.

Leibenstein H. General X-efficiency theory and economic development. N.Y. etc: Oxford Un. Press, 1992.

Liebenstein H. Allocative Efficiency vs. X-Efficiency. // American Economic Review, 1966, Vol. 56, № 3. June.

Marshall A. Principles of Economics, bk V, ch. XIII. Eight Edition. London: Macmillan, 1925.

Northrop F.S. The impossibility of a theoretical science of economic dynamics // Quarterly Journal of Economics. 1941. Vol. 56. November.

Pasinetti L. Economic theory and institutions // Delorme and Dopfer (eds.) The Political Economic of Diversity. Aldershot, Edward Elgar, 1994.

Pasinetti L. Structural Economic Dynamics: A Theory of the Consequences of Human Learning. Cambridge University Press, 1993.

Литература

- Polanyi K. The Livelihood of Man. N.-Y. Academic Press, Inc, 1977.
- Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. N. Y.: Oxford University Press, 1954.
- Searle J. R. The Construction of Social reality. London: Allen Lane, 1995.
- Veblen Th. Why is economics not an evolutionary science? // Quarterly Journal of Economics. 1898. Vol. XII. July.
- Wittfogel K.A. Oriental despotism: A comparative study of total power. New Haven: Yale Univ. Press, 1959.
- Абалкин Л. И. В поисках самоопределения российской школы экономической мысли // Очерки истории российской экономической мысли. Под ред. Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2003.
- Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. М.: Медиум, 1995 (1966).
- Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. №3.
- Бессонова О.Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
- Богачев В.Н. Народнохозяйственная эффективность и затратный механизм. Избр. труды. М.: Наука, 2006.
- Богачев В.Н. Прибыль?! О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Наука, 1993а.
- Богачев В.Н. Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН. 1993б.
- Бьюкенен Дж. Соч. / Пер. с англ. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. Т.1./ Фонд экономической инициативы; Гл.ред.кол.: Нуреев Р.М. и др. М., Таурис Альфа, 1997.
- Важнейшие социально-экономические показатели развития России. Альбом статистических таблиц. М.: Институт экономики РАН, 2007.

- Гайворонский С.А. Самоорганизация экономической системы. 2004. http://gavoronsky.narod.ru/books/so/so_korr.htm#1-2.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. М: Мысль, 1990.
- Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1972. Вып. 25.
- Горбачев В. В. Концепции современного естествознания. В 2-х ч. Учебное пособие. М.: Издательство МГУП, 2000. п. 2.3.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. Препринт. М.: Изд-во «ИСЭПРЕСС», 2000.
- Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Несводимость и экономика (полемиические заметки по поводу статьи А. Рубинштейна «Группы и интересы»: приглашение к дискуссии)». / Вопросы экономики. 2007. № 3.
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. Самоорганизация экономического процесса с позиций нелинейной термодинамики // Общественные науки и современность. 2003. № 4.
- Заславская Т.И. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1985.
- Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.
- Иванов Н.В. Новосибирская социологическая школа (НСШ) / Социологическая энциклопедия, т.2. М.: Мысль, 2003.
- Кирдина С.Г. Институт земельной собственности в России // Вопросы экономики. № 10. 2003а.
- Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. № 10. 2004б.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд). Новосибирск: ИЭиОПП РАН, 2001.
- Кирдина С. Г. История земельных отношений в России в свете теории институциональных матриц // Историко-экономические исследования (Иркутск). 2004б. № 1-2.

Литература

Кирдина С.Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. 2007а. № 2(37).

Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука. 2004в.

Кирдина С. Г. Трудовые отношения в редиистрибутивных экономиках: случай России. // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003б.

Кирдина С.Г. X-эффективность и X-экономики: синтез теоретических подходов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 5. 2007б. № 2.

Кирдина С.Г. Экономическая эволюция как институциональная самоорганизация // Эволюционная теория: инновации и экономические изменения (VI-й Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пушино, 23-24 сентября 2005 г.) М.: Институт экономики РАН, 2005.

Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // Общественные науки и современность. 1999. № 6.

Кирдина С.Г., Малков С.Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пушино, Московская область. М.: Институт экономики РАН, 2008.

Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.

Клюкин П.Н. Развитие воспроизводственного подхода к экономике после К. Маркса и маржиналистской революции // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пушино, Московская область. М.: Институт экономики РАН, 2008.

Коммонс Дж. Институциональная экономика. Пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 5. 2007 (1936). № 4.

Литература

- Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.
- Корнаи Я. Дефицит. — М.: Наука, 1990.
- Корнаи Я., Маскин Э., Ролан Ж. Осмысливая феномен мягких бюджетных ограничений // Вопросы экономики. 2004. № 11.
- Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // СОЦИС. 2007. № 3.
- Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В. Эволюционный подход к формированию системы государственного регулирования нефтегазового сектора экономики. Новосибирск: ИЭи-ОПП СО РАН, 2002.
- Лебенстайн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью / Теория фирмы: Сб. тр. СПб.: Экономическая школа, 1995.
- Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2007.
- Литвинцева Г. П. Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. Новосибирск: Наука, 2004.
- Маевский В.И. Элементы новой теории воспроизводства. // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие. Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пушкино, Московская область. М.: Институт экономики РАН, 2008.
- Макконел К.Р., Брю С.Л. Экономикс. М.: Республика, 1992.
- Малков С.Ю. История и синергетика: математическое моделирование социальной самоорганизации // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
- Малков С.Ю. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели // Моделирование социально-политической и экономической динамики. — М.: Изд. РГСУ, 2004.
- Малков С.Ю. Устойчивость социальных структур и цивилизационные особенности России // История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов — М.: КомКнига, 2007.

Литература

- Малков С.Ю. Фазы исторического процесса и социальная самоорганизация // История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. — М.: КомКнига, 2006.
- Маркс К. Капитал. Т.1 / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23.
- Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. 2-е изд, сокращ. СПб: Питер, 2007.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. М: Дело, 2002.
- Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория. М: УРСС, 2002.
- Никифоров Л.В. Тенденции общественного развития и трансформация российского общества. Научный доклад на соискание ученой степени доктора экономических наук. М: Институт экономики РАН, 2004.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005.
- Ольсевич Ю.Я. Когнитивно-психологический сдвиг в экономической теории (альтернативные гипотезы): научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2007.
- Ольсевич Ю.Я. О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли / Под ред. Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2003.
- Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I, II / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.
- Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги (Глава из книги «The Great Transformation». N.Y.: Farrar & Pinehart, Inc. 1944. P. 68-76)// THE-SIS. Весна '93. Т. 1. Вып. 2.
- Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е. А. Новосибирская экономико-социологическая школа: взгляд со стороны / Социальные взаимодействия в транзитивном обществе / Под ред. М. В. Удальцовой. Новосибирск: НГАЭиУ, 2001.

Литература

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Изд. 4-е стереотипное. М: Едиториал УРСС, 2003.

Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2004.

Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция общественного интереса. СПб: Алетейя, 2008.

Словарь современной экономической теории Макмиллана / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2003.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.

Теория капитала и экономического роста: Учеб. Пособие / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 1997.

Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты / Пер. с англ. М.: Дело, 2003.

Худокормов А.Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2008.

Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости / Пер. с англ. М.: Экономика, 1996.

Чернавский Д. С. Эволюционная экономика и теория живых систем // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. Труды 5-го международного симпозиума по эволюционной экономике, Пущино, Россия, 25-27 сентября 2003 г. М.: Институт экономики РАН, 2004.

Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. О проблемах физической экономики // УФН. 2002. т.172.

Чернавский Д.С., Малков С.Ю., Старков Н.И., Коссе Ю.В. Оборонно-промышленный комплекс и развитие экономики России // Стратегическая стабильность. 2004. №1.

Литература

Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. Анализ динамики экономических процессов в России в 1999-2002 годы // Системные проблемы качества, математического моделирования, информационных и электронных технологий. Ч. 7. Имитационное моделирование и конфликтология. М.: Радио и связь, 2003.

Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. Базовая динамическая модель экономики России (Инструмент поддержки принятия решений) // Препринт ФИАН № 1, 2001.

Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. Динамическая модель поведения общества. Синергетический подход к экономике // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М.: Наука, 2002.

Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М.: ТЕИС, 2002.

Шлиссер Э. Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики. 2007. № 3.

Шноль С. Э. Физико-химические факторы биологической эволюции. М.: Наука, 1979.

Шноль С.Э. Н.В.Тимофеев-Ресовский (очерк) // Знание — сила. 1997. № 2.

Щедровицкий Г.П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.5 ОРУ (5). М.: Путь, 2003.

Эйхнер А. Почему экономикс еще не наука? Гл. 14 в: Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Сноски

1. Подробнее о развитии идей классической политэкономии в XIX-XX вв. см. в работе (Клюкин, 2008).

2. Этот тезис обоснован в докладе А. И. Ракитова «Наука и государственная стратегия развития России» на XIII сессии международной школы социологии науки и техники «Фундаментальные социально-экономические проблемы науки: история, современность, перспективы» (г. Санкт-Петербург, 15-17 октября 2007 г.).

3. Графики на рисунках 1 и 2 и пояснения к ним взяты из работы: Богачев В.Н. . Прибыль?!. 1993б, 29-53. Более подробный анализ графиков см.: Кирдина С.Г. Модели экономики в теории институциональных матриц. 2007а.

4. Кривая D, характеризующая спрос, одновременно представляет собой геометрическое место точек цен на продукцию, или предельных издержек покупки при определенном объеме продукции. Точно так же кривая S, характеризующая уровень спроса, одновременно суть геометрическое место точек цен реализации, или предельных издержек производства соответствующего объема продукции. Всяким дефицитным благам, которые и являются объектами рассмотрения в экономической теории, соответствует определенная цена, ограничивающая спрос величиной имеющегося предложения, и наоборот.

5. Подробнее см. Богачев В.Н. Прибыль?., 30-31.

6. Эффект необходимости убыточных цен (тарифов), как указывает Богачев, был обнаружен не только западными учеными,

но независимо от них еще до войны русским инженером Протоdjяконовым (см.: Протоdjяконов М.М. Определение целесообразности тарифов // Социалистический транспорт. 1938. № 8).

7. «Большинство регулирующих органов в США заняты установлением цены, обеспечивающей справедливую прибыль. В небольшой степени это обусловлено тем, что социально оптимальная цена приводит к убыткам и возможному банкротству и посредством этого может лишить владельцев монополии их частной собственности без судебного процесса. Верховный суд США признал, что регулирующие агентства должны разрешить владельцам получать справедливую прибыль» (Макконел, Брю, 1992, 573).

8. Такими словами Вернер Зомбарт определил когда-то изыскиваемые капитализмом пути и способы процветания. Цит. по: Бём Ф., Ойкен В., Гроссман-Дёрт Г. Наши задачи (ордо-манифест) / Пер с нем. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 4, 112.

9. См., например, монографию Г.Б. Клейнера «Эволюция институциональных систем», где он одним из первых применяет основные компоненты системного подхода к анализу общественных институтов (Клейнер, 2004).

10. Генезис понятия «институциональная матрица» представлен в статье «Матрица институциональная в социологии» /»Социологическая энциклопедия». М: Мысль, 2003. Т. 1, 609-610.

11. Обмен в данном случае означает рыночные отношения (для краткости рынок), т.е. горизонтальные взаимодействия независимых хозяйствующих субъектов с целью получения прибыли.

12. Термин предложен и разрабатывался К. Поланьи (Polanyi; Поланьи).

13. Характерным примером являются положения социодинамики (Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн) и теории «опекаемых благ» (А.Я.Рубинштейн) по поводу участия государства как рыночного игрока в процессе производства «нечастных благ».

14. Трансакционные издержки понимаются здесь как интегральные издержки, что принято сейчас большинством ученых, использующих эту категорию. Среди них Кеннет Эрроу (Kenneth Arrow), Джордж Стиглер (George J. Stigler), Армен А. Алчиан (Armen A. Alchian), Гарольд Демсец (Harold Demsetz), Оливер Уи-

льямсон (Oliver E. Williamson) и др. Понятие транзакционных издержек в данном случае характеризует издержки функционирования экономической системы. В то же время, в отличие от названных авторов, относящих эту категорию лишь к рыночным экономикам и соответственно включающим в них издержки функционирования фирмы и рынка, мы полагаем возможным рассматривать их как величину, позволяющую определять издержки функционирования не только рыночной, но и редиистрибутивной экономической системы.

15. Подробное рассмотрение специфики условной верховной собственности на примере исторического анализа земельных отношений в России см. в работах Кирдина, 2003а; Кирдина, 2004б.

16. Например, «монополистическая конкуренция» (Чемберлин, 1996), «несовершенная конкуренция» (Робинсон, 1986) и др.

17. Термин был в свое время введен О. Э. Бессоновой в разрабатываемой ею теории раздаточной экономики (Бессонова, 1994: 1997). Подробнее характеристики института служебного труда представлены в работе: Кирдина, 2003б.

18. Поскольку характер этой обратной связи положителен, то возможны (и периодически возникают) ситуации, когда экономическая система может «пойти вразнос». Тогда возникает угроза кризисов перепроизводства. Подробнее о роли института получения прибыли в возникновении (и преодолении) кризисов перепроизводства в рыночных экономиках см.: Кирдина, X- и Y-экономики, 2004в, 153-154.

19. Подробное описание модели см.: Кирдина С.Г., Малков С.Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие. М: Институт экономики РАН, 2008.

20. Цит. по: Корнаи Я. Дефицит / Пер. с венгерского. М: Наука, 1990, 55.

21. В дальнейших работах Я. Корнаи и его коллеги анализируют «мягкие бюджетные ограничения» как универсальный феномен, свойственный также экономикам с частной собственностью и отсутствием централизованного планирования. Тем не менее причина этого положения также кроется, по сути, в «неограниченных ресурсах», выдаваемых ОП-организациями (организациями, обес-

печивающими поддержку) БО-организациям (бюджетным организациям, неспособным покрыть свои издержки за счет собственных средств). Подробнее см.: Корнаи Я., Маскин Э., Ролан Ж. Осмыслившая феномен мягких бюджетных ограничений. // Вопросы экономики. 2004. № 11.

22. Хозяйственная практика ряда стран демонстрирует явные примеры такого рода политики, например проведение индустриализации или распространение государственных облигационных займов среди населения в СССР.

23. Впервые понятие «коммунальности» материально-технологической среды введено в работах: Бессонова О., Кирдина С., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. 1996, 20-24; Bessonova O., Kirdina S., O'Sullivan R. Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk, 1996, 16-17. См. также: Кирдина, 1999; 2002, 73-84; Литвинцева, 2004, 50-51.

24. К «коммунальным» отраслям отнесены: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; транспорт и связь; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг.

25. Так, рассматривается смена либерального и регулирующего режимов в зависимости от стадии разработки нефтяного месторождения (Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В. Эволюционный подход к формированию системы государственного регулирования нефтегазового сектора экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002).

26. До 2007 г. была создана лишь одна государственная корпорация — Агентство по страхованию вкладов (январь 2004 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Матричный принцип самоорганизации

Матричный принцип развития неживой природы был в свое время выявлен в геологических науках. Оттуда эта идея проникла в биологию, которая связала матричный принцип наследственности с теорией эволюции²⁶. Здесь идея матрицы и комплементарной ей реплики позволила разгадать механизмы происхождения и развития жизни. Он представляет собой так называемую *конвариантную редупликацию*, то есть самовоспроизведение молекулярных структур на основе матричного синтеза, когда по наследству передается не только генетическая информация, но и дискретные отклонения от исходных состояний, то есть мутации. Любая сложная молекулярная структура претерпевает изменения, и каждый раз происходит не абсолютно точное ее повторение, а воспроизведение с внесением некоторых изменений. Но поскольку сама матрица передачи наследственных признаков имеет большую степень стабильности, последняя обеспечивает процесс передачи генетической основы (Горбачев, 2000) и воспроизводство жизнеспособных форм. Таким образом, естественный отбор означает эволюцию конвариантно изменяемых форм на основе матричного воспроизведения (Шноль, 1979), а сама жизнь представляет собой непрерывное матричное копирование с последующей самосборкой копий.

Выделенные в предыдущих исследованиях (Кирдина, 2000 и др.) институциональные X- и Y-матрицы содержат в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ

соответствующего типа. Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, то есть создание «плоти социальной жизни», происходит на основе взаимодействия матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов, имеющей в данном случае характер реплики (отзыва, реакции, необходимого элемента диалога). При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом (выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе) и «накладывает» на него свою информацию, характер, отпечаток. И как исходные молекулы ДНК и РНК являются матрицами для построения соответствующих макромолекул, так и матрицы базовых и комплементарных институтов создают основу для считывания информации и последующего синтеза живых социальных и институциональных форм. Но если в биологии эти процессы происходят за сотые доли секунды, то в человеческой истории взаимодействие базовых и комплементарных форм с отбором тех сочетаний, которые соответствуют исходным матрицам и одновременно эволюционно модернизируют социальные формы, занимает порой от нескольких лет до десятилетий и даже столетий. История рано или поздно находит необходимый институциональный баланс, т.е. адекватное времени и месту соотношение базовых и комплементарных форм.

Общества начинают свою жизнь тогда, когда они приобретают способность генетически воспроизводить «нажитую информацию», и институциональные матрицы служат механизмом ее передачи. Определение специфики, содержания доминирующей в обществе институциональной матрицы, как и механизма взаимодействия базовых и комплементарных институтов, позволяет осознанно осуществлять институциональное строительство и минимизировать социальные издержки эволюционного развития государств.

И наоборот: непонимание институциональной природы общества и попытки направить социально-экономическое развитие государства по не свойственной ему эволюционной траектории усиливают общественный хаос. Рано или поздно этот хаос, как показывают исторические наблюдения, завершается возвращением к доминированию присущей стране институциональной матрице. Еще

раз воспользуемся аналогией из биологии. Выбор режима воспроизводства живого организма определяется геномом, или банком данных, где хранится вся генетическая информация. «Если по какой-либо причине выбирается другой — развитие не прекращается, но вырастает урод, не способный к длительному существованию» (Чернавский, 2004). Например, попытка пойти по другому пути в истории России на рубеже XIX–XX вв. и привела к тому, что процесс этот, «не санкционированный» ее геномом — институциональной X-матрицей, — завершился революцией. Под какими бы лозунгами она ни начиналась, все закончилось восстановлением доминирующего положения институтов X-матрицы. Вновь главенствующее положение заняли институты редистрибуции в форме планового хозяйства, унитарного политического устройства в виде Союза Советских Социалистических Республик и коммунитарной идеологии, выражением которой в тот период служила коммунистическая доктрина.

Революционная реакция как спонтанное возвращение общества к доминированию базовых институтов, наблюдавшаяся в России в начале XX века, — демонстрация объективного действия матричного принципа самовоспроизводства институциональных структур.

Приведенный пример иллюстрирует важную в политическом отношении особенность проявления механизма самоорганизации социально-экономических систем, то есть систем с участием сознательного человека. Она состоит в том, что для подстройки институциональной структуры посредством использования комплементарных репликативных форм необходима целенаправленная и взвешенная деятельность социальных субъектов. Иначе стихийное действие доминирующих структур хотя и будет обеспечивать развитие, но только через кризисы. Они хорошо описаны в экономической теории как кризисы перепроизводства (в рыночных экономиках) и кризисы недопроизводства (в редистрибутивных экономиках). В первом случае к ним приводит стихийное действие рыночных сил, не компенсируемое редистрибутивными механизмами централизованного (государственного) регулирования. Во втором случае экономические кризисы являются следствием недостаточного внедрения в практику редистрибутивной экономики обменных рыночных институтов.

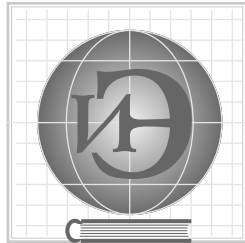
**Светлана Георгиевна
КИРДИНА**

Окончила Новосибирский госуниверситет по специальности «Экономическая кибернетика» (специализация «Социология»). С 1983 по 2002 г. работала и обучалась в аспирантуре и докторантуре в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Академгородок). Формировалась как исследователь в Новосибирской экономико-социологической школе академика РАН Т.И. Заславской. С 2002 г. работает в Институте экономики РАН, занимает должность зав. сектором эволюции социально-экономических систем.

Кандидат экономических наук (1986), доктор социологических наук (2002). Автор макросоциологической гипотезы (теории) институциональных матриц и теоретической модели X- и Y-экономик.

Результаты исследований опубликованы более чем в 100 работах на русском и английском языках. Монографии последних лет: «Институциональные матрицы и развитие России» (М.: ТЕИС, 2000; 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001) и «X- и Y-экономики: институциональный анализ» (М.: Наука, 2004).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (495) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

«Теоретическая экономика»

Кирдина С.Г.

Институциональная самоорганизация экономики:
теория и моделирование

Оригинал-макет *Валериус В. Е.*

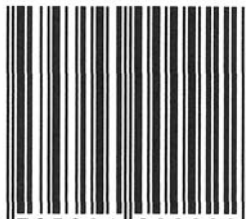
Редактор *Пуцаева Л. Д.*

Подписано в печать 12.05.2008

Заказ № 30. Тираж 300. Объем 3,1 уч.-издл.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0092-2

9 785994 000922